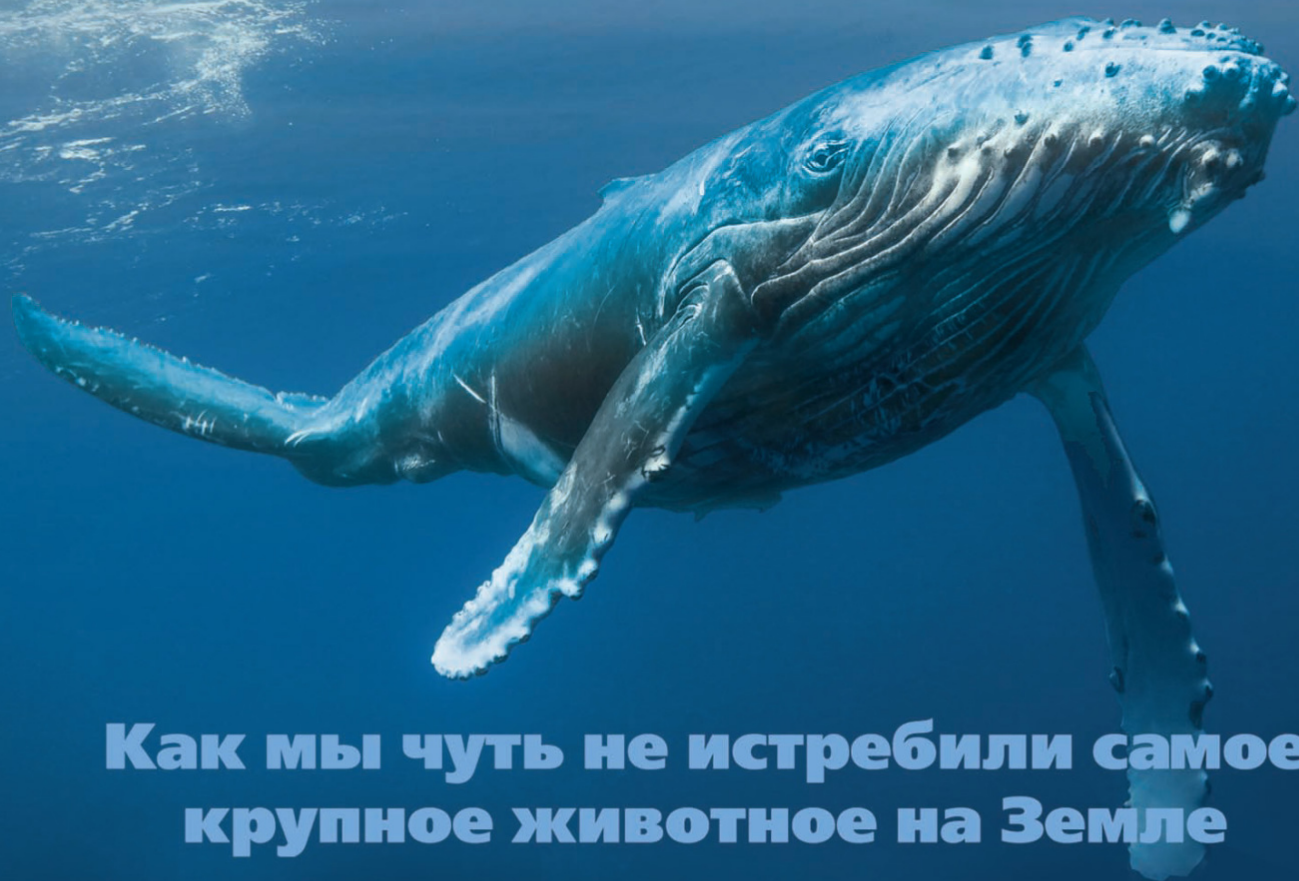

Андреас Тьерншауген

О КИТАХ И КИТОБОЯХ

**Как мы чуть не истребили самое
крупное животное на Земле**

Издательство «Весь Мир»

Андреас Тьерншауген

**О китах и китобоях. Как мы
чуть не истребили самое
крупное животное на Земле**

Издательство «Весь Мир»

2018

Тьерншауген А.

О китах и китобоях. Как мы чуть не истребили самое крупное животное на Земле / А. Тьерншауген — Издательство «Весь Мир», 2018

ISBN 978-5-7777-0793-2

Драматичная история мирового китобойного промысла, продолжавшаяся около столетия, показана в книге с норвежского угла зрения. В результате хищнических действий человека самые большие животные планеты едва совсем не исчезли, а несколько видов китов оказались утраченными навсегда. Норвежец А. Тьерншауген на большом фактическом материале ярко повествует о зарождении, развитии и прекращении промышленного промысла китов. При этом основное внимание он уделяет тому, как этот промысел развивался в Норвегии, стране – лидере мирового китобойного дела, хотя в книге описаны и действия британских, американских, аргентинских, немецких, японских и советских китобоев. У этого промысла были свои герои, свои этапы, многие из них описаны в книге, снабженной редкими фотографиями. Взаимоотношения людей и китов – одна из наиболее показательных страниц истории развития человеческой цивилизации.

ISBN 978-5-7777-0793-2

© Тьерншауген А., 2018

© Издательство «Весь Мир», 2018

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
Кит, который подмигивал	6
Метод Фойна	10
Королевская охота	17
Когда кит стал синим	21
Криль	25
Кит в Стортинге	28
Белые ночи вандалов	31
Синий кит по-исландски	35
К востоку от солнца и к западу от луны	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андреас Тьерншауген

О китах и китобоях. Как мы чуть не истребили самое крупное животное на Земле

Предисловие

Синий кит на самом деле вовсе не синий. Так его называли в XIX веке норвежские пионеры китобойного промысла. С палубы корабля огромные животные, приближавшиеся к поверхности воды, казались бирюзовыми. Они поднимались из глубины, чтобы сделать вдох, а гарпуны тем временем готовили свои пушки.

Я убедился в правоте китобоев, своими глазами увидев, что кит у самой поверхности моря действительно кажется синим. Толща воды меняет восприятие цвета. Как только животное всплывает на поверхность, заметно, что его кожа не отличается яркостью, она серая со светлыми пятнами.

«О китах и китобоях» – это книга об отношениях человека с самым крупным животным в мире. В ней рассказывается о противостоянии потрясающих воображение величин. С одной стороны – мощные машины, все более и более крупные суда, сначала сотни, а затем и тысячи рабочих, производящих миллионы тонн китового жира. С другой – самое крупное из всех существующих животных на Земле. В этой книге синему киту уделено значительно больше внимания, чем обычно уделяется животным в трудах историков. Мы воссоздали портрет животного на основании имеющихся у нас сведений о нем на сегодняшний день, хотя во времена китобойного промысла многие факты оставались неизвестными.

В качестве противовеса масштабности я решил посвятить каждую главу отдельному человеку или небольшой группе – из числа китобоев, владельцев промысла, зоологов или государственных деятелей, сыгравших определенную роль в истории китобойного промысла. Большинство из них – норвежцы. Это не случайно. Жители нашей маленькой страны долгое время были лидерами китобойного промысла, и большинство событий в книге описано с точки зрения норвежцев.

Китобойный промысел продолжался около ста лет, по всему миру добыли в общей сложности 370 тысяч особей только этого вида. Предупреждения о полном истреблении животного сопровождали китобойный промысел с самого его зарождения. Помимо рассказов о нелегком кровавом труде китобоев, большой прибыли и приключениях в дальних морях, мы также поговорим об охране китов и о полном запрете на промысел в последние годы.

Синий кит, конечно, не единственное живое существо, чья встреча с человеком привела к таким трагическим последствиям. Технологии помогли нам стать мощной силой природы. Мы сами создаем свою планету, свою среду обитания – море, почву и атмосферу, и наше правдивое повествование можно также воспринимать как часть более глобальной истории, развивающейся на наших глазах и пока не имеющей конца. Это история о том, какой выбор по отношению к природе мы делаем^{1*}.

Несоден, 18 июня 2018 года

¹ Мысль взята у Haskell 2012.

* Авторские примечания пронумерованы арабскими цифрами и размещены в конце книги. Постраничные примечания переводчика и редактора обозначены *.

Часть I Север

Кит, который подмигивал

Ранним воскресным утром в октябре 1865 года рыбак Олоф Ларссон охотился в скалах залива Аскимсвикен под Гётеборгом. Вдруг он заметил в море, примерно в сорока метрах от берега, что-то необычное. Сначала он подумал, что это обломки судна, но, спустившись к воде, сообразил, что это живое существо, изо всех сил пытавшееся выбраться из ловушки.

Олоф никогда раньше такого зверя не видел. Тем не менее он понял, что это может быть только кит, и бросился звать своего зятя Карла.

Карл Ханссон бывал в морях. В Северном море ему доводилось видеть китов, и он знал, что это страшное чудовище в худшем случае может потопить лодку. В целях безопасности он решил взять судно побольше. Рыбаки подняли парус и направились к зверю, остановившись в двадцати пяти метрах.

Кит лежал на брюхе, немного завалившись на бок. Он почти не двигался. Примерно каждые пять минут задерживал дыхание, собирался с силами и пытался подпрыгнуть. Хвост поднимался на высоту человеческого роста и снова падал в воду. Грудные плавники работали, как крылья. С каждым выдохом из дыхла словно подымался клочок густого тумана, и раздавался звук подобный дальнему раскату грома, или, как вспоминали рыбаки, похожий на «мощный пароходный гудок»¹. В скалах разносилось эхо.

Олоф испугался. Он вернулся на берег и ни за что не хотел нападать на этого монстра. Карл попытался действовать в одиночку. Но когда его бот оказался всего в трех-четыре метрах от животного, он тоже повернул назад. Почти дойдя до берега, Карл все-таки набрался мужества и вернулся к киту. Он ударил его ножом, прикрепленным к длинному багру, как раз перед дыхалом. Бесполезно. Кит даже не почувствовал ударов. Он продолжал свои попытки освободиться, однако его усилия имели обратный эффект – он продвигался все дальше и дальше на мелководье.

Олоф, наконец, понял, что кит ничем ему навредить не может, и снова подплыл ближе. Именно он заметил, что из воды выглядывал глаз. Кит подмигивал как человек.

Мужчины решили выколоть этот глаз, чтобы кит их не видел. Нож и багор ушли внутрь глазницы на полметра. Кровь ударила мощной струей. «Она хлестала так, будто в пивной бочке пробили дыру», – вспоминал Карл. Так продолжалось около получаса. Море вокруг окрасилось в красный цвет. Кит беспомощно бил хвостом и плавниками, но голову больше поднять не мог. Она еще сильнее увязла в песке.

Тогда Карл решил взяться за топор и проделать отверстие в голове кита. Пока он стоял в лодке, у него ничего не получалось, но как только Карл взобрался на голову, то смог вырубить глубокую яму за дыхалом. Кровь лилась рекой. Она заливалась в дыхало, кит извергал кровавые фонтаны. Вскоре Карл полностью вымазался в крови, но продолжал свою работу. Кит так неистово дергался, что человеку несколько раз пришлось возвращаться в лодку и ждать, пока тот успокоится. Особенно болезненными для животного были удары в область пасти.

Карл рубил кита с десяти утра до половины четвертого пополудни. Затем, связав кита тросом и хорошенько закрепив на суше, мужчины отправились домой. Они ничего никому не сказали о том, чем занимались в Аскимсвикене.

¹ Malm 1867, s.1.

Кит все еще дышал, когда они пришли туда на следующее утро. Пытаясь освободиться, он еще больше увяз на мелководе, кроме того, был отлив, что облегчило задачу. Карл рубил кита косой в глаз и в живот. Кровь из глаза била струей толщиной в руку, на этот раз в течение часа. Около одиннадцати часов Карлу удалось вырубить большую рану за одним из плавников. Из раны стал выходить воздух, дыхание постепенно затихало.

К вечеру кит почти перестал двигаться, но раны все еще кровоточили. Около трех часов ночи кит в агонии поднялся дугой над морем и снова плюхнулся вниз, «со страшным грохотом, так, что вода расступилась в стороны»². Затем он затих. С тех пор как Олоф обнаружил кита, прошло тридцать часов.

Этого кита все еще можно увидеть, если купить билет в музей. Спустя 150 лет синий кит из Аскимсвикена все еще является крупнейшей достопримечательностью Музея естественной истории Гётеборга и единственным в мире чучелом синего кита.

Несмотря на значительные размеры – более шестнадцати метров в длину, – это был еще малыш, лишь недавно переставший питаться материнским молоком³. Он родился предыдущей зимой, вероятнее всего, где-то к югу от Азорских островов. Тогда он был всего семи метров в длину и весил не больше двух-трех тонн. Весной китенок последовал вместе с матерью на Север. Материнское молоко, густое, как йогурт с жирностью до 50 процентов⁴, обеспечивало его всем необходимым для роста и развития. Китиха-мать показала ему лучшие места для кормежки. Скорее всего, они пребывали далеко в море, но могли заходить также и к Шпицбергену, Исландии или побережью Финнмарка. Вероятно, им не повезло – их подстрелили. В то время только-только возник новый вид охоты – китобойный промысел на пароходах с применением взрывных устройств.

Молодой кит оказался слишком далеко от привычных ему мест. Возможно, ему не хватило опыта и он потерялся. Он, должно быть, обогнул норвежский Сёрландет, затем датский Скаген и взял курс на Каттегатский пролив между Данией и Швецией. Если бы кит выжил, то прошло бы немало лет, прежде чем он смог бы оставить потомство. Взрослый половозрелый кит имеет длину как минимум двадцать метров и весит в два раза больше, чем попавший в музей Гётеборга китенок.

Август Вильгельм Мальм из Музея естественной истории считал, что купил у двух рыбаков доселе не известного науке кита. Широким жестом он дал ему научное название в честь своей жены Каролины – *Balaenoptera carolinae*. Однако это название не прижилось среди зоологов.

На самом деле в науке уже существовали описания этого вида. Каждое появление огромного кита в населенных людьми районах вызывало там сенсацию. Зоологи, получившие возможность описать попавший на сушу экземпляр, редко видели что-либо подобное. Как и Август Вильгельм Мальм, они часто считали, что открыли новое, еще не известное науке животное. В результате синий кит получил целых двенадцать различных научных наименований⁵. Сегодня его именуют *Balaenoptera musculus*, как предложил Карл Линней, исходя из описания животного, которого ему лично увидеть не довелось.

Неразберихе с названиями способствовало⁶ и то, что анатомические описания и рисунки, сопровождавшие предложения о научном названии, имели свои ограничения. Всегда в таких случаях отмечали необъятные размеры животного, трудности работы на берегу, где находили

² Malm 1867, s. 3.

³ Sears og Perrin 2009.

⁴ Calambokidis og Steiger. 1997, s. 61.

⁵ Lindquist 1994, s. 521.

⁶ Sars 1866, s. 267–268.

тушу кита, а также разложение, как правило, начинавшееся еще до того, как более или менее разбирающийся в китах специалист попадал на место.

К какому бы виду это животное ни принадлежало, можно с уверенностью заявить, что в руках Августа Вильгельма Мальма оказалось редкое зоологическое сокровище. Он немедленно организовал транспортировку туши. Три парохода и две угольные баржи понадобились для перевозки кита в город, где тридцать рабочих его освежали и разделали. Туша быстро разлагалась и распространяла ужасную вонь, кроме того, очевидцы происходящего так и норовили отщипнуть кусочек на сувениры. Тридцать тысяч цинковых и медных гвоздей понадобилось для того, чтобы закрепить куски кожи на специально сооруженной деревянной раме. Конструкция состояла из четырех отделяемых секций – с целью удобства транспортировки.

«Музейного» кита снабдили специальными петлями на шее, чтобы верхнюю челюсть можно было приподнять. Таким образом публика могла исследовать громадный китовый ус. Кроме того, можно было даже спуститься в чрево кита, уподобившись библейскому Ионе. Внутри оборудовали вполне комфортное помещение с обоями, скамейками и т.п. Конструкцию с подвижной челюстью выбрали, вероятно, из практических соображений, поскольку она не соответствует анатомическому строению настоящего кита с усом. Когда живой кит открывает пасть, двигается нижняя челюсть.

Кита с большим успехом у публики выставляли в Гётеборге и Стокгольме. Запланированное турне по Европе, однако, застопорилось в Берлине, а состоятельным жителям Гётеборга пришлось внести крупную сумму, чтобы выкупить кита у кредиторов.

Рассказ о том, как нашли и подготовили музейного кита, Август Вильгельм Мальм опубликовал вместе с фотографиями и обширным научным описанием в одном солидном французском издании⁷. «Кит Мальма», как его стали называть, на короткое время превратился в научную звезду. Тем не менее интерес специалистов быстро угас, как только новый, индустриальный китобойный промысел обеспечил беспрепятственный доступ к тушам синих китов. Однако синий кит из Гётеборга стал популярным музейным экспонатом настолько, что однажды в начале 1900-х в чреве кита застали влюбленную парочку за непристойным занятием⁸. В результате доступ в эту необычную комнату закрыли. Теперь посетители музея могут попасть внутрь и увидеть изуродованное чернеющее сокровище только в особых случаях.

Шестнадцатиметровое чучело просто огромно. Тем не менее его размеры меркнут при сравнении с крупнейшим в мире сохранившимся скелетом 27-метрового синего кита, убитого у берегов Исландии. Скелет-рекордсмен выставлен в музее города Тёнсберг на юго-востоке Норвегии. В Средние века в Тёнсберге существовал самый большой замок, где норвежские короли укрывались во время войн. Прежде чем попасть к скелету кита, посетители осматривают экспозицию остатков кораблей викингов, бронзовые украшения и оружие.

В самом конце здания, в отделе истории Тёнсберга как центра китобойного и тюленебойного промысла в XIX – начале XX века, находится китовый зал. Гигантские скелеты расположены компактно. Синий кит – доминанта зала – был застрелен из гарпунной пушки с парохода и привезен на буксире на норвежскую промысловую станцию в Хеллисфьорде в Исландии летом 1901 года. В тот раз в качестве исключения китовые кости не распилили и не выварили, а очистили и привезли в Тёнсберг.

В выставочном зале прямо под носом гиганта расположена медная табличка, где сообщается, что именно этот скелет синего кита является крупнейшим в мире сохранным скелетом ныне живущего вида. Примечание «ныне живущего» вызвано тем, что некоторые длинношеие динозавры, если их измерить от носа до кончика хвоста, значительно превосходят по длине даже самых крупных синих китов. Однако если сравнивать массу, динозавры значительно усту-

⁷ Malm 1867.

⁸ Goteborgs naturhistoriska museum, *Malmska valen*, gnm.se/kunskap-och-fakta/malmska-valen/, lest 10.5.2018.

пают китам. Кости нижней челюсти синего кита являются самыми мощными во всем животном мире. Их размеры можно сопоставить разве что с крупными деревьями.

Самый большой скелет синего кита, возможно, сохранили бы лучше, если бы прислушались к опасениям многих людей по поводу угрозы его исчезновения. Когда он прибыл в Тёнсберг, никто не знал, сколько еще просуществует популяция этого вида в Мировом океане. При обсуждении китобойного промысла в норвежском парламенте – Стортинге – в 1903 году один из депутатов предрекал синему киту скорое превращение в «музейное животное»⁹. «Синий кит практически истреблен у наших берегов», – вторил ему другой¹⁰. Он считал, что этот вид нужно взять под охрану и беречь как своего рода реликт, доживший до наших дней монстр древности.

Но скажется ли исчезновение синего кита на человечестве значительнее, чем исчезновение гигантских ленивцев и мастодонтов? Так ли уж они важны для благополучия человека, рассуждал один из ораторов в Стортинге еще раньше, в 1885 году. Он добавил, что было бы жаль потерять возможность добывать кита, но в целом он не уверен в том, «играет ли кит такую важную роль в мире, что его исчезновение из ряда живых существ станет в той или иной степени трагедией»¹¹.

Китовая авантюра началась именно здесь. Современный китобойный промысел с быстроходными судами, гарпунами и гарпунными пушками, поставивший под вопрос полное истребление синего кита, начали люди из Тёнсберга. По крайней мере в течение семидесяти лет норвежская область Вестфолл с городами Тёнсберг, Саннефьорд и Ларвик оставалась международным центром китобойного промысла. Промысловые суда шли сначала к побережью Финнмарка, а затем вокруг света.

Наибольшей угрозе популяция кита подвергалась в Антарктике. Именно там изначально находилась основная часть всех синих китов мира, и антарктический подвид, который сегодня считается вымирающим, был самым многочисленным¹². Крупнейшие особи примерно на пять метров превосходили по длине экземпляр, попавший в музей Тёнсберга, и весили они намного больше¹³.

Десятки тонн... Вдумайтесь, мы живем на планете, где все еще существуют животные таких огромных размеров, что разница в десять–тридцать тонн не кажется столь уже существенной для оценки их веса. Впрочем, самых крупных мы все-таки почти уничтожили, и желтая деревянная скамья под ребрами кита в Тёнсберге – хорошее место, чтобы поразмышлять над словами депутата Стортинга, произнесенными в 1885 году.

Так станет ли исчезновение китов трагедией?

⁹ Johan Lothe (Høyre), Bergen. Referat fra Odelstinget 2.12.1903. Обратите внимание на то, что Лоте выступал против запрета на промысел.

¹⁰ Knut Johannes Hougen (Venstre), Kristiansand. Referat fra Odelstinget 2.12.1903.

¹¹ Walter Scott Dahl, Romsdal Amt. Referat fra Odelstinget 11.5.1885.

¹² Reilly S.B. mfl. 2008. *Balaenoptera musculus ssp. intermedia* (rettet versjon, publisert i 2016). *The IUCN Red List of Threatened Species 2008*. iucnredlist.org/details/41713/0. Lest 10.5.2018.

¹³ Sears & Perrin 2009, s. 120.

Метод Фойна

Свен Фойн родился в 1809 году, через пару лет после того, как первые в мире пароходы вышли в море. В его родной город Тёнсберг недалеко у входа в Осло-фьорд первый пароход прибыл¹, когда Свен почти вышел из подросткового возраста.

Паровые машины все чаще заменяли мускульную, ветровую и водную тягу в новых областях жизни, чему Фойн стал свидетелем на протяжении XIX века. Паровые машины на угольном топливе произвели революцию во всем – начиная с деревообработки и заканчивая текстилем. Железнодорожные пути и гудящие паровозы связывали различные города. Пароходы уже стали полноправными участниками регулярного сообщения и бороздили океаны.

Большие изменения произошли и в оружейной отрасли. Еще в 1807 году британский флот обрушил на Копенгаген шквал боевых ракет², принцип действия которых был англичанами заимствован в Азии. С середины XIX века в артиллерии стали применяться нарезные стволы и остроконечные снаряды взамен шарообразных ядер³.

Именно сочетание паровой тяги и современной артиллерии помогло Свену Фойну и его товарищам одолеть самое крупное и самое сильное в мире животное.

Фойн родился в зажиточной семье. Однако, когда ему исполнилось всего три года, случилось несчастье – утонул отец. Мать смогла сохранить усадьбу с деревянным домом на одной из улиц города, а также пакгаузы у пристани. Маленькое семейное предприятие сумело удержаться на плаву в трудные для судоходства годы. Тем не менее детство Свена было омрачено материальными затруднениями, и, возможно, именно поэтому он решил во что бы то ни стало разбогатеть⁴.

С одиннадцати лет росший без отца мальчик проводил все свободное от школы время в море. Он стал шкипером тюленебоя в двадцать четыре года и сколотил небольшое состояние благодаря грузоперевозкам через Северное море. Он вложил средства в первую свою крупную авантюру – промысел гренландских тюленей, в брачный период собиравшихся в колонии на льду акватории вулканического острова Ян-Майен.

В XVIII веке суда из Бергена принимали участие в этом промысле, но к тому времени, когда Фойн начал свое дело, бергенский тюленебойный промысел давно завершился. Примерно в середине XIX века на гренландского тюленя охотились преимущественно немцы и британцы. Многие из них по пути промыслили и другие виды животных, в том числе огромного гренландского кита, который как раз и привлек европейские промысловые суда в эти ледяные районы.

Успех тюленебойных экспедиций Фойна, отправлявшихся каждый год из Тёнсберга, превзошел все ожидания. С самого начала он лично возглавлял рейды и продолжал вести свой корабль, даже обзаведясь собственной флотилией. Фойн обладал зычным голосом и был силен, как бык. Он работал усерднее всех, был требовательным к своим подчиненным, а если кто-то смел ему перечить, то выходил из себя. Однажды он так избил непослушного матроса, что тот едва не отдал Богу душу⁵.

Тюленебойный промысел сделал Свена Фойна самым богатым человеком в Тёнсберге. Разумеется, у него появились конкуренты, а промысел стал новой и значительной отраслью

¹ Dampfartøiet nr. 1 og nr. 2, материал с портала <http://arkivverket.no/> arkivverket.no, прочитан 5.2.2018. Store norske leksikon, snl.no/Constitutionen, lest 5.2.2018.

² Tandberg, E., snl.no/rakettvaapen, lest 5.2.2018.

³ G. Kristoffersen og T. Rein, snl.no/artilleri, lest 5.2.2018.

⁴ Philbrick 2000. История лучше рассказана в Dolin 2008.

⁵ Jacobsen 2008.

экономики Вестфолла, хотя лишь немногим удалось приблизиться к уровню добычи флотилии Фойна⁶.

В начале 1860-х годов пионер промысла решил попробовать себя в новом, еще более крупном и рискованном деле. Он задумал охотиться на синего кита и его не столь крупных сородичей – сельдяного полосатика и горбача. Синий кит и горбач считались особенно опасными, и их промысел не представлялся прибыльным. Фойн решил, что не пожалеет денег, чтобы доказать обратное.

Не каждый успешный пятидесятилетний мужчина будет так рисковать. Однако Фойн жил своей работой, а перспективы тюленебойного промысла, принесшего ему богатство, виделись не столь радужными. В западной части Северного Ледовитого океана появилось слишком много промышленников. Популяции гренландского тюленя грозило полное истребление. Но и гренландский кит не был тюленю достойной заменой. После нескольких веков промысла оставалось лишь небольшое количество особей этого вида. Напротив, крупные и многочисленные представители семейства полосатиков спокойно плавали вокруг промысловых шхун как живые горы из мускулов и жира. В своих воспоминаниях Фойн описывал китобойный промысел как религиозный долг: «Бог создал кита на пользу человеку, поэтому я чувствую, что его промысел – это мое призвание»⁷.

Фойн связывал благочестие с тяжелой работой и в богатстве, и в бедности. Он считал, что деньги зарабатываются для последующих инвестиций, а не для развлечений. В его сознании между стремлением к богатству и религией не существовало противоречия. Он был крайне набожным. Его дневники пестрят короткими молитвами. «Господи, не оставь меня и сохрани меня именем Иисуса Христа⁸, – писал он, отправляясь в плавание. – Спаси, Господи, и сохрани, даруй благополучное путешествие и хороший промысел во славу Иисуса Христа. Аминь⁹».

Промысел синего кита и его сородичей должен был производиться с баз материковой Норвегии. Норвежцы добывали кита еще с каменного века, а в Вестланде по-прежнему использовали сети, чтобы загонять средних китов, таких как малый полосатик и косатка, в маленькие бухты и там их убивать для употребления в пищу. Поэтому малый полосатик по-норвежски называется *vågehvål* – бухтовый кит. Тем не менее Свен Фойн за основу своего нового проекта взял не норвежские традиции, а скорее передовые технологии коммерческого крупномасштабного промысла, который развивали другие жители Северной Атлантики.

Баски на северо-западе Испании и на юго-востоке Франции стали пионерами китобойного промысла еще в Средние века, сначала на весельных лодках, и промыслили вдоль побережья Бискайского залива. Они добывали большого усатого кита, известного как северный гладкий кит. Поскольку популяция этого вида, заходившая в Бискайский залив, была полностью истреблена, баскам-китобоям приходилось отправляться далеко в море. Они перевозили весельные лодки, гарпуны и остальное снаряжение на парусных судах и устраивали промысловые станции на побережье в тех местах, где обитали киты. В XVI веке баски-китобои промыслили по всей Северной Атлантике, от Ньюфаундленда до Финнмарка. В высоких северных широтах они также добывали еще более крупного гренландского кита.

Северный гладкий кит и гренландский кит – родственники. Они принадлежат к семейству гладких китов – группе крупных усатых китов, значительно отличающейся по образу жизни и анатомии от синего кита. Гладкие киты добывают себе пищу, медленно плавая с открытой пастью. Вода равномерно поступает внутрь сквозь отверстие в усе в центре челюсти и уходит сквозь ряды уса, расположенного с каждой стороны верхней челюсти. Таким образом

⁶ Ibid., s. 123.

⁷ Ibid., s. 79, 90–93.

⁸ Фойн в 1892, цит. по: Johnsen 1959, s. 151.

⁹ Дневник Фойна от 4.9.1868, цит. по: Johnsen 1943, s. 155.

кит процеживает мелких ракообразных размером с рисовое зерно. Неспешный характер приема пищи отражается и на внешнем виде. Северный гладкий кит и гренландский кит – толстые, неуклюжие животные. Голова у них огромная. Ус северного гладкого кита примерно три метра в длину, у гренландского – четыре. Иначе говоря, гладкие киты оснащены огромным ситом.

Эти громоздкие, неторопливые животные стали более легкой добычей, чем быстрый синий кит, тело которого имело обтекаемую форму. Хотя раненый почти 16-метровый гладкий кит довольно опасен для находящихся в лодке китобоев, у него нет такой силы, как у синего кита. Толстый слой жира, кроме того, обеспечивает еще одно важное для промысла свойство: мертвый гладкий кит остается на плаву.

Вскоре конкуренцию баскам составили голландцы, англичане и многие другие, кто захотел поживиться на этом промысле. Из китового жира – ворвани – вытапливали жидкое масло, которое использовалось в качестве горючего для осветительных приборов и для мыловарения. В длительных промысловых экспедициях мясо сохранить не удавалось. Однако огромный ус гладкого кита – прочный, но гибкий – становился все более популярным сырьем. Мода на осиную талию в Европе в течение многих столетий способствовала высокому спросу на корсеты, основу которых изготавливали из китового уса¹⁰. Он использовался в производстве кринолинов – жестких нижних юбок на обручах, а также зонтиков, тростей и щеток. Столь практичные пластины верхней челюсти усатых китов абсолютно уникальны. Они, как волосы и ногти, состоят из кератина, самого богатого волокнами белка. Китовый ус имеет примерно одинаковое строение у различных видов. Отличаются размеры, форма и цвет.

После открытия в конце XVI века Шпицбергена (Свальбард) он стал особенно важным районом для добычи гренландского кита. Голландцы и англичане соперничали между собой за контроль над этим регионом. Пытались пробиться и суда под датским флагом. Судовладельцы из Бергена, например, получили разрешение на промысел кита от короля Дании-Норвегии еще в 1614 году и в течение XVII века отправили несколько экспедиций.

Промысел нанес серьезный удар по популяции. В XIX веке у берегов Шпицбергена почти не осталось гренландских китов. Промысловые станции пришли в упадок, в то время как судам приходилось отправляться в более отдаленные районы. Северный гладкий кит, которого преследовали еще несколько лет, исчез почти повсеместно.

Британские колонисты Новой Англии (впоследствии США) рано стали принимать участие в охоте на гладких китов¹¹. В XVIII веке именно они начали масштабный промысел кашалота. Кашалот, или спермацетовый кит – это зубатый кит, у него нет уса. Как и у других морских млекопитающих, у него есть жир, из которого можно вытапливать жидкое масло. Но, кроме того, его характерная прямоугольная морда содержит еще более ценный жировой продукт – спермацет, или спермацетовое масло. Этот вид получил такое название из-за ошибочного предположения, что сперма у кашалота находится в голове. Вещество оказалось весьма полезным для кремов и мазей. Его можно было использовать для изготовления более качественных свечей, чем из нутряного сала. К тому же спермацет стал первоклассным смазочным средством для тонких механизмов в период наступившей технической революции.

Американцы пошли по тому же пути, что и баски – сначала они промышляли кашалота в прибрежных к ним водах. Затем стали отправляться в более далекие плавания. Ко времени принятия Декларации независимости США 4 июля 1776 года китобои из Новой Англии прочесали большую часть Атлантики в поисках кашалота. В начале XIX века они промышляли уже и в Тихом океане. Китобойный промысел стал первым видом деятельности, получившим всемирный характер. Это стало возможным благодаря тому, что американцы начали оборудовать жироварни на борту промысловых шхун. Таким образом они освободились от необходимости

¹⁰ Дневник Фойна 7.9.1868, цит. по: Johnsen 1943, s. 155.

¹¹ Ellis 1991, s. 55, 131–140. Марте Глад, Норвежский институт локальной истории, личная беседа.

возвращаться домой, пока жир не испортился. В отдельных случаях они могли находиться в плавании несколько лет.

Разделка туш кашалотов производилась теперь у борта судна, поэтому можно было промыслить далеко в море. Китобои спускали со шхуны шлюпки. Добычу привязывали к шлюпке с помощью длинного троса, забрасывая ручной гарпун с отбойником, когда кит всплывал на поверхность, чтобы подышать. Затем люди из шлюпки убивали животное с помощью острых копий. Смертельная агония, как правило, продолжалась долго. Кит мог запросто утащить шлюпку довольно далеко или напасть в ответ. Один из случаев нападения агрессивного кашалота вдохновил Германа Мелвилла на создание романа «Моби Дик», который обессмертил американских китобоев на парусных судах и весельных шлюпках¹².

Многих занимал вопрос, как можно модернизировать китобойный промысел. Ряд изобретений, нацеленных на повышение эффективности добычи гладкого кита и кашалотов, позволили Свену Фойну распространить промысел и на другие виды.

Первая гарпунная пушка – английское изобретение – была опробована в охоте на гренландского кита еще в 1731 году. Однако заряжать пушку с весельной шлюпки было нелегко и опасно. Только в 1837 году на рынке появилась модель, ставшая действительно популярной. Свен Фойн закупил большое количество таких пушек и установил их на тюленебойных шхунах на тот случай, если вдруг им попадется по пути один из редких и ценных гладких китов. В 1849 году пушкигодились, и Фойн добыл своего первого кита – гренландского.

Гарпунная пушка повысила дальность боя гарпунов. Стало легче привязать кита к лодке, однако такие крупные киты, как кашалот, северный гладкий или гренландский кит, не умирали от удара гарпуном. Поэтому следующим шагом стало изобретение более эффективного способа лишить животное жизни. Пробовали и яд, и электрический шок, и взрывчатку. В середине XIX века появился метод, произведший настоящий фурор – им стало метание копья с гранатой. Традиционные копья китобоев снаряжали разрывными устройствами, приводимыми в действие через несколько секунд после того, как копьё глубоко входило в тело кита. Вскоре копьё-гранаты стали метать с помощью специального ружья или пушки. По-прежнему процесс состоял из двух стадий: сначала метали гарпун, а затем – копьё-гранату.

Эти изобретения дали предпринимателям многих стран надежду на эффективный промысел крупных китов семейства полосатиков. Синий кит и сельдяной полосатик (или финвал) были слишком сильны для того, чтобы охотиться на них из шлюпки с помощью гарпуна¹³. Кроме того, эти мощные животные имеют гораздо более тонкую жировую прослойку, чем гладкие киты, поэтому убитые киты быстро тонули.

Многие старались изобрести нечто, объединяющее гарпун и разрывное оружие. Уже в 1820 году британцы попытались разработать ракету, которая попала бы в кита, убила его или обездвижила с помощью взрыва внутри туши и наполнила бы ее газом, чтобы туша держалась на плаву. Однако последнее никак не удавалось. Киты тонули.

Одним из первооткрывателей, оказавших значительное влияние на Свена Фойна, стал американец Томас Велком Ройс¹⁴. Еще летом 1856 года Ройс отправился в плавание на двухмачтовой тюленебойной шхуне в акваторию между Исландией на западе и русским архипелагом Новая Земля на востоке. Он не смог встретить гренландского кита, как надеялся. Однако ему удалось выполнить другую задачу – он испытал свой гранатомет на других видах китов. Ройс стрелял по синим китам, полосатикам и горбачам. Синего кита он назвал Левиафаном в честь библейского чудовища.

¹² Philbrick 2000.

¹³ Кита-горбача кое-где ловили традиционным методом, а в Японии с помощью сетей добывали даже финвала.

¹⁴ Johnsen 1959. Более подробно рассказывается в Schmitt mfl. 1980.

«Мы подстрелили двадцать два левиафана, одного из них насмерть; двадцать шесть горбачей, из них четверых насмерть; и четырех полосатиков – они все остались живы. Девять левиафанов, двенадцать горбачей и два полосатика выбросили кровавой фонтан, что свидетельствует о том, что мы стреляли хорошо и все гранаты взорвались», – писал он впоследствии¹⁵. Похоже, что ни одну из туш ему не удалось привезти. Ройс продолжил свои эксперименты по промыслу больших китов в последующие годы. Это стоило ему, в том числе, левой руки, которую оторвало преждевременно сработавшей гранатой.

В Норвегии также многие работали над изобретениями, способными сделать море опасным для синего кита и его сородичей¹⁶. Свен Фойн следил за их экспериментами и учился у них. Однако, в отличие от своих предшественников, он обладал уникальной комбинацией качеств. Фойн уже был опытным и искусным мореплавателем, промышленником и предпринимателем. Более того, он обладал немалым состоянием и хорошим доходом от тюленебойного промысла, что позволяло ему в течение многих лет пытаться промыслить кита, не завися от нетерпеливых кредиторов. Фойн рисковал лишь собственными деньгами.

Базой для попыток Фойна стал Вадсё. Город находился в заливе Варангер – последнем крупном заливе на побережье провинции Финнмарк на границе с Россией. Другие уже пытались промыслить здесь кита, но безуспешно. Губернатор Финнмарка так обобщил происшедшее: «В заливе Варангер много китов, однако, похоже, это настолько беспокойный вид, что его невозможно ни взять на гарпун, ни поймать каким-либо другим способом»¹⁷.

Летом 1864 года Фойн первый раз отправился за этими беспокойными китами. Занимаясь тюленебойным промыслом, он набрался опыта управления механизмами на паровой тяге и теперь отправлялся в путь на первой в мире специально построенной в Христиании (Осло) китобойной шхуне. Судно называлось «Вера и Надежда». Путь из Тёнсберга до Вадсё шхуна проделала на парусах. Однако во время промыслового плавания в Варангер-фьорде за работу принялись винты и паровая машина.

«Вера и Надежда» изначально была оснащена большим количеством пушек вдоль бортов, как будто собиралась участвовать в морском сражении. Судно имело на борту значительный арсенал гарпунов, копий и разрывных снарядов, которыми должны были стрелять пушки. Однако у команды не было опыта обращения с таким снаряжением. Дело не заладилось с самого начала, когда они поймали на гарпун первого кита. Один из матросов получил задание держать линь, связывавший гарпун с промысловым судном. Но он так испугался грохота при выстреле пушки, что бросил линь прямо под ноги Фойну и отбежал назад. В ярости Фойн запутался в лине, и его выбросило за борт.

Позднее Фойн рассказывал: «По неосторожности я наступил на конец линя, и моя нога попала в западню. Кит сильно рванулся под водой и дернул линь вместе со мной в море. Я думал, что пришел мой последний час, но, когда кит снова всплыл на поверхность, линь ослаб, и я быстро снял петлю с ноги и поплыл к борту, с которого сорвался»¹⁸.

Прошло много лет проб и ошибок, прежде чем Фойн и его команда добились успеха в промысле. Большое значение имела поездка с научной целью в Исландию в 1866 году. За год до этого там основал свою базу уже упоминавшийся однорукий изобретатель Ройс вместе с компаньоном, производителем пиротехники Густавом Адольфом Лиллиендалем из Нью-Йорка. Они тоже использовали паровую шхуну и смогли добыть за год несколько десятков синих китов, полосатиков и горбачей с помощью своего запатентованного ракетного оружия. Ракетный снаряд нес и гарпун с линем, и часто смертоносный разрывной заряд.

¹⁵ Цит. по: Johnsen 1959, s. 67, перевод уточнен автором по английскому оригиналу в Tønnessen og Johnsen 1982, s. 18.

¹⁶ Johnsen 1959, s. 281–306.

¹⁷ Отчет губернатора за пять лет 1856–1860, цит. по: Johnsen 1959, s. 104–105.

¹⁸ Рассказ Фойна некоторое время спустя, цит. по: Johnsen 1943, s. 249. Пересказывается также в Jacobsen 2011, s. 143.

Успех конкурентов производил впечатление, но Фойн не доверял ракетному устройству как таковому. Он продолжал использовать пушку для метания гарпунов и остроконечных гранат. Из Исландии Фойн позаимствовал два изобретения. Во-первых, лебедку, приводимую в действие паровой машиной судна. Лебедка могла быстро спустить или поднять гарпунный линь, в зависимости от необходимости, она могла также поднять тонущего кита. Во-вторых, Ройс и Лиллиендал запатентовали мощную резиновую петлю, крепившуюся к судовой мачте, которая гасила колебания линя, когда волны раскачивали судно. Веревка уходила не так быстро, если она тянулась сквозь шкив, свисавший с резиновой петли, пока кита поднимали с глубины.

Если китобойный промысел Фойна со временем стал приносить немалый доход, то исландская деятельность Ройса и Лиллиендала за несколько лет пришла в упадок. Вероятно, американцы не обладали предпринимательской жилкой в той же мере, как талантом изобретателя. Сотрудничество с датскими партнерами (в то время, когда Норвегия в 1814 году отделилась от Дании, Исландия все еще находилась с ней в унии) омрачилось конфликтами.

Что касается Свена Фойна, то для него переломный момент настал летом 1868 года. Это был первый удачный сезон. Фойн и команда «Веры и Надежды» находились в Вадсё с марта по август и добыли в общей сложности тридцать китов. В начале сезона, до прихода с юга синих китов, охотники из Вестфолла охотились на другие виды.

Сельдяной полосатик огромен. Он походит на синего кита своей длиной и обтекаемой формой, но его спина темнее, почти черная, и он имеет более выраженный спинной плавник.

Горбача можно узнать по небольшому наросту – горбу перед спинным плавником. Вблизи он выглядит устрашающе. На голове имеются кожные наросты. Его темное туловище кажется очень неуклюжим, а белые грудные плавники – необычайно длинными. В нижней части головы и там, где начинается туловище, тем не менее, есть свидетельства принадлежности к семейству полосатиков – характерные продольные борозды, имеющиеся и у синего кита, и у полосатика, а также у менее крупных сородичей, таких как малый полосатик и сейвал¹⁹.

30 июня 1868 года Фойн наконец наткнулся на синих китов в противоположной части залива Варангер, около русской границы²⁰. На расстоянии синий кит отличался тем, что его колонообразный фонтан был выше, чем у других китов, он достигал десяти метров. Если приблизиться, то его размеры поражали, особенно длина. Кроме того, синий кит гораздо светлее своих сородичей.

Фойну и команде удалось убить одного из синих китов с помощью разрывной гранаты, но гарпун согнулся и не выполнил свою задачу. Кит не стал добычей. Весь оставшийся день потратили на испытательные стрельбы и наладку гарпунов. Фойн записал в своем дневнике, чему он научился: «Испытывай как следует пушки, гарпуны и все остальное»²¹. В девять часов утра на следующий день они подстрелили небольшого синего кита. Один гарпун ударил в бок кита, но не закрепился, но другой вошел, как надо. Кита взяли на буксир. Лишить его жизни оказалось более трудной задачей. Две гранаты не возымели никакого эффекта. Кит тащил судно за собой на большой скорости в течение трех часов, пока вновь не оказался на расстоянии, достигаемом для выстрела, и тут ему пришел конец. В семь часов вечера «Вера и Надежда» пришла в Вадсё с китом на буксире. Фойн снова нашел ряд недостатков у гарпунов и пушек, которые необходимо было исправить.

В течение июля Фойну удалось добыть немало синих китов, но еще больше он упустил. «Линь не был достаточно крепок»²², – писал он 17 июля, потеряв очередного загарпуненного

¹⁹ Описание видов китов основано на новых справочниках и собственных наблюдениях.

²⁰ Дневник Фойна, в Johnsen 1943, s. 148. В этом году синий кит упоминался впервые, однако случалось, что Фойн не уточнял виды китов.

²¹ Johnsen 1943, s. 148.

²² Ibid., s. 150.

кита всего лишь в паре миль от поселка Гренсе-Якобсэльв. Промысел Фойна в то время напоминал спортивную рыбалку с легким снаряжением, когда постоянно существует опасность, что леска оборвется или рыба соскочит с крючка. Как только гарпун достигал цели, кит развивал немалую скорость и тащил судно за собой. Команда использовала лебедку на паровой тяге, чтобы быстро травить линь. Они пытались стравить его настолько, чтобы он не оборвался, и в то же время держать его так, чтобы кит не смог нырнуть глубоко. Часто кит умирал от потери крови и истощения после продолжительной борьбы.

Только в начале 1870-х годов Фойну удалось создать удовлетворившее его промысловое оружие – комбинированный гарпун с гранатой, который и убивал кита, и закреплял его на тросе, в лучшем случае, одним выстрелом.

Гарпун с гранатой выстреливался из пушки, установленной на вращающемся столе на носовой палубе. Самая трудная задача была у стрелка, который должен прицеливаться и стрелять. Он заряжал пушку сначала порохом, а затем гарпуном. Остроконечная граната прикреплялась к наконечнику гарпуна. Из ствола спускался длинный, мощный трос, сложенный около пушки (идею о том, что кто-то должен держать трос, Фойн отверг по понятным причинам).

Механизм, обеспечивающий действие взрывчатки только тогда, когда она оказывалась внутри тела кита, был разработан в тесном сотрудничестве со священником и инженером-любителем Хансом Мортеном Тране Эсмарком. У гарпуна имелись подвижные стальные отбойники. Как только гарпун закреплялся в теле кита и трос натягивался, отбойники отскакивали, разбивая стеклянную ампулу с серной кислотой, находившуюся между ними. От контакта с кислотой воспламенялся черный порох, которым была засыпана ампула. В результате граната взрывалась. Позднее на смену этому механизму пришел заряд с часовым управлением.

Фойн известен, в первую очередь, как изобретатель гарпуна с гранатой, но это не он придумал закреплять смертоносный разрывной снаряд на гарпуне с отбойниками и тросом. Многие пытались применить это до него. Отличие заключается в том, что Фойн с помощью экспертов из многих областей техники и после длительного периода испытаний смог создать не только результативное оружие, но и оправдавшую себя экономически систему промысла. Современный китобойный промысел стал новой отраслью, основателем которой является Фойн.

В путевых заметках из Финнмарка, опубликованных в 1871 году, профессор Йенс Андреас Фриис описывал китобойный промысел с помощью паровых шхун и гарпунов с гранатой. Фриис был специалистом по языку саамов, но не по мореплаванию. Тем не менее он не сомневался, какая судьба ожидает китов Варангер-фьорда: «Вряд ли потребуется много времени, чтобы полностью уничтожить гренландского кита»²³.

²³ Friis 1871, s. 125.

Королевская охота

Летом 1873 года король прибыл в Вадсё. Королевский паровой фрегат «Святой Олаф» венчали три высокие мачты¹. Новый король Норвегии, Оскар II, совершал коронационную поездку по северному побережью страны, чтобы народ смог поприветствовать его еще до церемонии в Нидаросском соборе.

Норвегия была в унии со Швецией с общим королем и общей внешней политикой после освобождения от Дании в 1814 году. Тогда Норвегия также получила собственную Конституцию и Национальное собрание. С тех пор норвежские лидеры тщательно блюли свою независимость в рамках унии, поэтому королю Оскару II пришлось торжественно короноваться дважды – сначала в Стокгольме, а затем в Тронхейме.

Поскольку король впервые прибыл на Север, он, разумеется, захотел посмотреть охоту на крупнейшее в мире дикое животное в заливе Варангер. Новый китобойный промысел стал очень популярным и сделал Фойна знаменитостью. Как писала газета «Афтенпостен», в его имени чувствовался привкус соленой морской воды. Газета утверждала, что Фойн по своей известности на норвежском побережье сравнялся со старинным героем – моряком Торденшельдом. Фойн и сам многое сделал для того, чтобы стать знаменитым. С самого начала своих попыток промысла кита он методично снабжал газеты хорошим материалом о собственных успехах и неудачах².

Пионер китобойного промысла пользовался также благосклонностью властей. В 1870 году Свен Фойн стал командором ордена Святого Олафа – такой официальной чести он удостоился в Королевстве Норвегия. В начале 1873 года он также получил от короля патент на свою промысловую систему на десять лет. Патент имел достаточно широкую формулировку. В нем упоминались и паровое судно, и пушка, гарпун с гранатой, лебедка и т.п., таким образом, конкурентам стало затруднительно начинать подобную деятельность. В общем, речь скорее шла о монополии или привилегии, чем о патенте. Дело было в том, что Фойну наступали на пятки в Финнмарке немецкие конкуренты. Он быстро обратился за помощью к властям. В норвежском правительстве не существовало единого мнения по этому вопросу, некоторые принципиально возражали против расширения патентных правил. Однако интересы национальной экономики победили.

При входе в Вадсё королевский фрегат встретило множество мелких рыбацких судов. Все они были простыми транспортными средствами на весельной или парусной тяге. Пароход Свена Фойна «Вера и Надежда» дал приветственный салют.

За исключением церкви, в Вадсё преобладали низкие деревянные домики в один или два этажа. Он выглядел как обычный бедный прибрежный городок. На самом деле в Норвегии 1870-х он был особенным, даже если не брать во внимание промысловую станцию Фойна. Из одной-двух тысяч жителей города большинство составляли квены – народ финского происхождения. Многие из них недавно прибыли сюда из Великого княжества Финляндского, которое в то время входило в состав Российской империи. Когда король Оскар II посетил жилище одной финноязычной семьи в квартале квенов в Вадсё, ему понадобился переводчик. В то же время многочисленные ораторы, выступавшие с приветственными речами в честь короля, принадлежали к местной норвежской элите.

В торговых рядах и на улицах Вадсё звучали четыре разных языка – саамский, русский, финский и норвежский. Тем летом в город пришли на парусных судах русские купцы. Саамы с

¹ Hansen, J.I. 2014. Fregatter etter 1814. Статья на портале forsvaretsmuseum.no, lest 29.8.2016. Картина на портале digitaltmuseum.no/011044250305, lest 29.8.2016.

² Johnsen 1959, s. 225.

давних времен жили в этом районе, и среди них было немало тех, кто приехал в Вадсё посмотреть на короля.

Профессор Йенс Андреас Фриис, специалист по языку саамов, путешествовал в свите короля. Впоследствии он издал книгу – панегирик о коронационной поездке. Между строк Фриис обозначил, чего боялись норвежские власти в многонациональном Вадсё. «Сердечный прием короля, – писал Фриис, – показал, что и норвежские, и квенские, и саамские граждане были честными, лояльными норвежцами-монархистами³». К счастью, они «еще не успели заразиться ни симпатиями к России, ни какой-либо республиканской, коммунистической или социалистической заразой».

Король и его свита вышли с заключительного торжественного ужина при полуночном солнце. Однако вместо того, чтобы немедленно вернуться на судно, они решили отправиться с экскурсией на промысловую станцию Фойна. Она находилась на острове Вадсёйа, от города ее отделял небольшой пролив. Там, где король вступил на берег, рабочие Фойна уже соорудили почетные ворота из челюстей кита, через которые и проследовала процессия.

На пляже у фабрики лежал 25-метровый синий кит, наполовину вытащенный из воды⁴. Король ходил от здания к зданию и изучал масштабный промышленный комплекс, не прекращавший ни на секунду свою работу. Он увидел, как с кита срезали ворвань и вытопили ее в густое масло. Затем его расфасовали по мешкам из парусины и прогнали через паровой пресс, при этом прозрачный жидкий жир отделился от стеарина, напоминавшего плоский пирог. Жидкий жир разлили по бочкам. Фойн и его рабочие добились высокого качества рафинирования, однако по-прежнему трудились над тем, чтобы сделать жир как можно более чистым.

Части туши кита, оставшиеся от производства жира, пошли на удобрения. Цех, где остатки китовой туши рубили и перемалывали с помощью паровых машин, а затем сушили, назывался фабрикой по производству гуано. Гуано – помет птиц или других собирающихся в колонии животных, был в XIX веке ценным товаром. Фабрика по производству гуано Фойна на острове Вадсёйа выпускала мешки с похожим удобрением под тем же названием.

Профессор Фриис в своем повествовании о коронационной поездке рассказывал, что король и его свита увидели также свежее китовое мясо, которое, «как говорили, ел и Фойн, и многие из жителей Вадсё»⁵. Однако никто не осмелился предложить королю отведать вырезку из самого крупного животного в мире.

Комплекс, принимавший короля Оскара II июльской ночью 1873 года, обработал в том году тридцать шесть китов. В промысле и работе наземной станции было занято пятьдесят два человека из южных районов. Они приезжали вместе с Фойном весной и возвращались домой осенью. По мере необходимости Фойн нанимал несколько поденных рабочих из местного населения. Однако весь основной персонал был приезжим, и именно приезжие осваивали новые профессии, рожденные в результате развития китобойного промысла.

«На следующее утро всех подняли в шесть часов», – писал профессор Фриис. Король надеялся поучаствовать в охоте на кита. Две королевские канонерки сопровождали «Веру и Надежду» в ее следовании через залив Варангер. Киты водились в противоположной его части.

«Их там два!» – закричал один из наблюдателей с королевских судов. «Их три!» – заорал другой⁶.

Королевская свита разразилась громогласным «ура!», когда Фойн на полном ходу начал охоту на китов. Как только «Вера и Надежда» приблизилась к одному из животных, скорость

³ Friis 1874, s. 87–88.

⁴ Ibid., s. 95. Вид не упоминается, но длина (80 футов) свидетельствует о том, что это был синий кит.

⁵ Ibid., s. 95.

⁶ Ibid., s. 98.

снизилась. На носу у пушки стоял готовый к выстрелу гарпунер. Пока кит нырял, публика на королевских канонерках, затаив дыхание, следила за происходящим: «Вся свита с азартом наблюдала за этими чудовищами, которые и там и сям показывали свою черную спину и пускали в воздух фонтан»⁷. Много раз кит всплывал слишком далеко от «Веры и Надежды». Промысловое судно маневрировало, чтобы занять удобную позицию в том месте, где мог всплыть кит. «Чтобы рассчитать направление и расстояние, нужен опыт», – комментировал Фриис и сравнивал преследование кита с охотой на ныряющую морскую птицу.

Наконец мощная спина кита показалась как раз рядом с «Верой и Надеждой». Точный выстрел гарпунной пушки немедленно прикончил животное. Профессор, судя по его повествованию, испытал разочарование из-за недостаточно драматичного события. Подстреленный кит тут же пошел на дно, его подняли с помощью лебедки. «Сначала мы после долгого ожидания увидели гарпун, затем большое вздутие на спине у кита в том месте, куда попал гарпун, таявшее по мере поднятия туши. Двое матросов в шлюпке с помощью копий проделали отверстия в верхней челюсти и в хвосте и пропустили через них железную цепь, чтобы закрепить кита у борта судна для дальнейшей транспортировки на сушу. Кит оказался почти той же длины, что и “Вера и Надежда”», – писал Фриис, то есть около двадцати пяти метров. Если это действительно так, то это был синий кит.

Когда кита надежно закрепили, король пожаловал стрелку Уле Хансену в качестве благодарности серебряный кубок. Из всех новых профессий, порожденных китобойным промыслом, работа стрелка считалась самой трудной и наиболее почетной.

Фойну тоже оказали честь. Король лично троекратно провозгласил ему «ура!». По традиции военно-морского флота матросы забрались на реи. Громогласное «ура!» разнеслось по всему красному от крови морю.

Шестидесятитрехлетний Свен Фойн из Тёнсберга, выросший без отца, должно быть, очень гордился. Все способствовало его успеху. Тем не менее один повод для беспокойства все-таки имел место. Если со стороны национальной элиты Фойн ощущал полную поддержку, то с местными жителями дело обстояло гораздо хуже. В Вадсё росло недовольство.

Еще в прошлом 1872 году на фабрику в Вадсёя было совершено разбойное нападение⁸. Преступников так и не нашли. Возможно, это происшествие было связано с жалобами, появившимися в местной газете. Зловонные жировые отходы от производства распространялись по морю и отравляли жизнь местным рыбакам. Горожане видели в новом производстве только недостатки. После окончательного завершения строительства комплекс не обеспечил рабочими местами местное население, в то время как приезжавшие из Вестфолла китобойи получали такое жалованье, о котором рабочие и рыбаки из Финнмарка могли только мечтать.

Весной 1873 года, накануне королевского визита, тридцать семь жителей Вадсё направили властям первую официальную жалобу⁹. Они утверждали, среди прочего, будто Фойн собирается полностью истребить кита в заливе Варангер и что китобойный промысел несет прямую угрозу рыболовству. Фойн в ответ взорвался негодованием, чем нажил себе еще больше врагов.

Жалобы рыбаков из Финнмарка создавали проблемы для китобоев в течение десяти последующих лет. Когда произошел спад вылова мойвы, рыбаки решили, что в этом виноват китобойный промысел. Считалось, что кит гонит косяки мойвы во внутренние районы фьорда или к берегу. Тогда рыбаки могли ловить эту серебристую рыбку и использовать ее в качестве наживки для трески или другой хищной рыбы. «Китобойный промысел распугал и китов, и рыбу», – говорили рыбаки. Кроме того, они жаловались, что китобойные суда часто преграж-

⁷ Ibid., s. 99.

⁸ Niemi 1995.

⁹ Fløistad 1995, s. 14.

дали им путь в заливе, а взрывающиеся орудия лова и раненные киты неоднократно создавали опасные ситуации.

Рыбаки не получили значительной поддержки со стороны научных авторитетов. Однако многие на норвежском побережье считали, что кит очень важен для наличия рыбы¹⁰. Это мнение подкреплялось давней традицией. Законы короля Магнуса Лагабётира от 1274 года предусматривали серьезные штрафы для тех, кто промышлял кита во время путины. «Королевское зеркало», еще один известный памятник письменности XIII века, также упоминает один особенно полезный вид кита, который запрещалось убивать: «Одно китовое семейство называется рыбной лопатой, и от него людям особенно великая польза. Поскольку оно гонит к берегу с моря и сельдку, и другую мелкую рыбу. Оно отличается таким удивительным характером, что умеет различать суда и людей, шадит их и гонит к ним сельдь и другую мелкую рыбу, будто специально создано или послано Богом для этого»¹¹.

Конфликт между рыбаками и китобоями со временем стал серьезной политической проблемой, и король Оскар II, коронованный в Нидаросском соборе 18 июля 1873 года, получил в последующие годы на утверждение ряд законопроектов по охране кита от своего правительства в Христиании. Норвежские подданные в целом доставили ему немало беспокойства. Но Оскар II еще не знал, стоя в соборе в красной мантии поверх военной униформы, что он станет последним норвежским королем из династии Бернадотов.

Новая королева София во время коронации была одета в белое шелковое платье. Его специально сшили для церемонии и украсили золотыми норвежскими львами, а портной из Стокгольма Альберт Валентин вшил в корсет платья лучший материал того времени – китовый ус¹², возможно, из редкого гренландского кита¹³.

¹⁰ Rode 1842, s. 128. Østensjø 1958, s. 409. Lmdqms 1994, s. 193–196. Еще больше докладов по этому поводу в прениях в Стортинге 2–3 декабря 1903 г.

¹¹ Brøgger 2000, s. 31.

¹² Норвежский народный музей в тексте о материале корсета ставит вопросительный знак. digitaltmuseum.no/011023141484, lest 29.8.2016. Ингер Оловссон из Королевской сокровищницы (личный комментарий) исследовал платье, сшитое для коронации в Стокгольме тем же портным и имевшее почти идентичный фасон, и считает, что с большой долей вероятности скрытые косточки корсета сделаны из китового уса.

¹³ Это мое мнение, основанное на том, что северный гладкий кит встречался еще реже.

Когда кит стал синим

Георг Оссиан Сарс происходил из большой и шумной семьи. Но в компании он предпочитал хранить молчание и слушать других с легкой улыбкой на устах. Он привлекал к себе внимание только игрой на скрипке. Оссиан, как его называли родственники и друзья, был художав, носил очки и жидкие усики. В возрасте тридцати семи лет он по-прежнему жил в доме своей матери.

Сарс как ученый был более знаменит. Он открыл большое количество новых видов животных и рисовал удивительно красивые иллюстрации, начиная от микроскопических морских существ до громадных китов. Когда единственный в Норвегии профессор зоологии попросил об отставке, он указал на докторанта Сарса в качестве своего преемника. Были рекомендации и от норвежского правительства. 10 июля 1874 года король Оскар II обмакнул перо в чернильницу в своем летнем дворце в Софьере на северо-западе Швеции и поставил подпись под документом о назначении Сарса профессором Университета Христиании¹.

В это время Сарс путешествовал по Северу. Помимо работы в университете, он возглавлял государственную исследовательскую программу по изучению морского рыболовного промысла. Эта деятельность приносила весьма существенную прибавку к жалованью, а также создавала благоприятные возможности для изучения морских существ. На этот раз перед Сарсом поставили задачу выяснить, действительно ли новый китобойный промысел наносит значительный урон ловле мойвы, как утверждали рыбаки Восточного Финнмарка.

Путешествие из Христиании проходило в несколько этапов с продолжительными остановками. Только спустя две недели после назначения на должность профессора Сарс приступил к последней части своего путешествия, сев на пароход в самом восточном городе Норвегии – Вардё. В начале своего путешествия вдоль побережья длиной семь миль он мог наблюдать открытое Баренцево море. Дул северный ветер. Было пасмурно и прохладно. Тем не менее Сарс стоял на палубе и наблюдал².

Мы можем быть уверены, что новоиспеченный профессор был в приятном возбуждении и предвкушении. В Вадсё его ждал шанс, недоступный прежде ни одному зоологу, а именно ежедневный доступ к только что убитым экземплярам крупнейшего из существующих китов.

Во время учебы у Оссиана Сарса был период, когда он прочитал о китах все, что можно было тогда найти. И хотя в дальнейшем он специализировался на ракообразных, в 1860-е годы написал ряд научных трудов по китам³. По счастливой случайности на Лофотенских островах, где Сарс находился в очередной командировке по изучению рыболовного промысла, именно в то время нашли мертвого полосатика.

Теперь ему предоставлялась новая возможность сказать свое слово в науке о китах. Сарс еще не мог уверенно утверждать, какого именно кита из семейства полосатиков поймал Фойн, однако у него были все основания полагать, что это другой вид, а не тот обычный полосатик, которого ему ранее уже довелось исследовать и написать об этом.

Возбуждение достигло своего апогея, когда зоолог, еще не успев вступить на берег, первый раз наблюдал китовый фонтан, а затем увидел и охоту на кита: «Уже при входе в Варангер-фьорд я увидел с палубы на горизонте маленький пароход Фойна “Марта” во время промысла. В бинокль я отчетливо смог разглядеть высокие столбы дыма, движение кита, и как пароход мало-помалу приближался к нему. Вдруг с носа парохода вылетело плотное белое

¹ NBO, Brevsamling 233, «Varia».

² Метеосводка по Вардё 23.7.1874, уг.но. Дата взята у Sars 1878.

³ Sars 1866 og 1869. Сарс называет вид «сельдяной полосатик», или «финвал», «трубчатым китом» и *Balaenoptera musculus*, последнее сегодня является научным наименованием синего кита.

облако, сопровождавшееся грохотом, – это выстрелил смертоносный гарпун, и что выстрел попал в цель, стало понятно по дальнейшим маневрам парохода. Кита подстрелили, а благодаря отличному аппарату Фойна его судьба быстро и с уверенностью была решена»⁴.

Позднее в тот же день Сарс сошел на берег в Вадсё и увидел, как маленькая паровая шхуна тащила в залив на буксире огромного кита. Он поспешил заказать лодку, чтобы добраться до фабрики Фойна на острове Вадсёйа.

Когда Сарс приблизился, он увидел, что спина кита торчит из воды. По форме плавников он определил, что перед ним, вне всяких сомнений, тот же удивительный вид кита, из которого Август Вильгельм Мальм сделал чучело в Гётеборге и подробно описал. О том, что этот вид появляется у норвежского побережья, зоолог раньше не знал.

Синий кит, лежавший перед Сарсом, был около девятнадцати метров длиной. Ученый начал измерять животное вдоль и поперек, но его прервали рабочие, которые собирались срезать жир. Им нужно было успеть до того, как закончится отлив. В течение светлой летней ночи они должны были очистить место для следующего кита, которого приливом вытащило далеко на берег. Как только начался отлив и к нему смогли добраться, кита освежевали. Сарс писал, что тут «все происходило быстро, почти со скоростью механизма». В последующие дни ему удалось приспособиться к рабочему ритму фабрики. Фойн промышлял удачно, и профессор смог исследовать целых десять различных синих китов обоего пола – и молодых, и взрослых. Особенно его восхищали их красивые глаза. Овальная форма и хорошо заметный белок вокруг серо-голубой радужки делали их похожими на человеческие.

Сарсу также удалось побеседовать с самим Фойном о промысле в заливе Варангер. Было бы интересно послушать, о чем говорили застенчивый профессор и громогласный китобой. Вероятно, некоторые вопросы они предпочли не обсуждать. Сарс принадлежал к кругу приверженцев радикальных идей как в науке, так и в политике. Дома, в Христиании, он читал революционные лекции о биологии человека на основе нового учения Дарвина об эволюции. Некоторые утверждали, что он рассказывал студентам, будто современная наука скоро развенчает веру в Бога⁵. Старый Фойн, в свою очередь, был глубоко верующим человеком и верным монархистом, а в политике придерживался консервативных взглядов. Мирские развлечения его не интересовали, так что исполненные Сарсом на его походной скрипке крестьянские мотивы или классические произведения вряд ли произвели на него впечатление. Короче говоря, Сарс и Фойн скорее всего не отвлекались на светскую беседу. Они обсуждали только то, что интересовало их обоих – китов.

Вернувшись домой, Сарс выступил с докладом «О синем ките» в Научном обществе в Христиании. Текст доклада опубликовали в альманахе Общества. Его не переводили на иностранные языки, но, тем не менее, он стал важной вехой в изучении синего кита, поскольку был создан на основе исследования целого ряда только что убитых особей.

Сарс заявил, что это самое крупное животное в мире. Он лично измерял особей 25-метровой длины. Фойн говорил, что ранее ему удавалось поймать и более крупных китов – до тридцати одного метра (100 футов) длиной.

Наблюдения Сарса позволили ему скорректировать описания Мальма по многим пунктам, он также представил детальный рисунок крупной беременной самки синего кита. Он нарисовал плавники прижатыми к телу, а не торчащими в стороны, как у плавающего кита. Зоологи еще не знали, как киты используют плавники во время маневров и удерживают равновесие под водой. Сарс не видел живого кита с близкого расстояния. Его не брали в море во время промысла, и ни он сам, ни кто-либо другой не нырял при этом.

⁴ И все остальные высказывания Сарса с острова Вадсёйа: Sars 1875.

⁵ Anker 1939, s. 9. Sars' forsværsskrift til Det akademiske kollegium, des. 1885, NBO Brevsamling 233, «R-».

Сарс предложил своим коллегам из Научного общества называть этот вид по-норвежски «синий кит». Это название придумал Фойн и использовал в своих дневниках еще в 1860-е годы. Сам ли он его придумал или заимствовал у кого-то, никто не знает, однако именно так выглядит этот кит под водой. Синий кит светлее своих сородичей до такой степени, что, когда он отдыхает под водой между дыхательными всплываниями, он выглядит как огромное бирюзовое или синеватое пятно в более темном море. Именно такого цвета нам кажется морская вода на солнечном песчаном пляже.

Сарс считал, что это название очень удачное, и заявил в докладе, что животное действительно кажется синим на небольшом расстоянии. Название прижилось и стало использоваться в других языках, в том числе в английском, французском и немецком. В коже кита, однако, нет синего пигмента. Она насыщенного серого цвета с беспорядочно разбросанными более светлыми пятнами.

Важнейшее открытие, которое сделал Сарс в Финнмарке летом 1874 года, имело прямое отношение к заданию, порученному ему правительством. Синий кит не ест рыбу. Своим коллегам-ученым Сарс доложил: «Тщательное исследование содержимого желудка и кишечника, которое мне посчастливилось провести на свежепойманных экземплярах, открыло удивительный факт, что это колоссальное животное, гигант среди ныне живущих организмов, питается почти исключительно мелкими, не достигающими одного дюйма рачками (...), которых местные рыбаки называют крилем»⁶.

Как считал Сарс, синий кит приходил летом в залив Варангер потому, что морские течения сбивали ракообразный планктон в тесную стаю. Он не знал о маршрутах миграции китов с юга на север. Но на основе бесед в Вадсё, в том числе и с Фойном, он убедился, что весной, во время путины мойвы, появляются другие киты. На косяки мойвы нападают и насыщают ими свое чрево другие, более мелкие представители семейства полосатиков – горбач, сельдяной полосатик и сейвал.

В своем официальном отчете в министерство внутренних дел Сарс использовал результаты своих исследований желудка и кишечника синего кита как главные аргументы против жалоб рыбаков: «Тот вид кита, которого исключительно промысляет Фойн, так называемый синий кит (...), как мы выяснили, не имеет к мойве никакого отношения»⁷.

В этом заключении была одна проблема. На самом деле Фойн промыслял не только синего кита. В июле, когда Сарс посетил Вадсё, это было справедливо. Но, вообще, экспедиции Фойна прибывали в Финнмарк в марте, задолго до появления синих китов. Весной и в начале лета китобой из Вестфолла охотился на горбача и сельдяного полосатика, которые гнали косяки рыбы во внутренние районы залива. Отчет Сарса способствовал созданию ошибочного убеждения в том, что целью промысла в Финнмарке с самого начала является исключительно синий кит.

Здесь кроется загадка. Как Сарс мог так ошибиться, проведя на фабрике Фойна и среди китобоев Вадсё целых три недели?

Возможно, Сарс видел только то, что хотел видеть, или немного исказил реальность, чтобы подогнать ее под желаемый результат. Он не разделял опасений рыбаков в отношении китобойного промысла еще за год до своей поездки в Финнмарк, в своем первом заключении, направленном в министерство иностранных дел. Кроме того, его доклад вызывал доверие, так как заключения основывались на результатах удивительного научного открытия о рационе синего кита. Возможно, поэтому Сарс был заинтересован сделать акцент на промысле синего кита в противовес другим видам, поскольку об остальных он ничего любопытного не нашел.

⁶ Sars 1875, s. 239.

⁷ Sars 1878, s. 4.

Другая возможность состоит в том, что Сарса убедил Свен Фойн, который всеми силами хотел доказать: китобойный промысел никак не влияет на путину мойвы⁸. Фойн был хитер. В одном из своих писем брату Лаврентию в начале 1870-х он давал понять, как важно для него заставить других людей делать так, как нужно было ему. Он рассказывал о своих усилиях по очистке жидкого жира синего кита и его сородичей, чтобы сделать его продаваемым продуктом: «Я думаю, что мне наконец удалось добиться нужного качества жидкого китового жира, как будто я долгое время (шесть лет) пытался разговаривать вежливо с упрямым и несговорчивым человеком, однако результат оставался густым, неприятным и не пользовался спросом. Теперь я изготавливаю его с помощью власти и силы»⁹.

Есть соблазн предположить, что сдержанный профессор Сарс, будучи обычно таким щепетильным в отношении научных фактов, спасовал перед натиском твердого, как железо, китобоя. В любом случае, Сарс знал, что Фойн был в Вадсё уже весной 1874 года и добыл несколько горбачей¹⁰. Тем не менее ученый постоянно повторял слова Фойна о том, что киты, изобиловавшие во время путины мойвы весной и в начале лета, были настолько тощими, что не вызывали никакого промыслового интереса.

⁸ Указывается у Johnsen 1959, s. 272.

⁹ Письмо от 8.7.1873, цит. по: Johnsen 1959, s. 227.

¹⁰ Sars 1875, Sars 1878, s. 4.

Криль

Когда профессор Сарс вскрыл брюхо кита в Вадсё, вероятно, с помощью мясников Свена Фойна, поскольку вскрытие животного весом в сотню тонн – работа не из легких, он обнаружил ключевой факт из биологии синего кита: основу его рациона составляет криль.

Сарс хорошо знал криль. Он похож на креветок, но для такого специалиста по ракообразным, как Сарс, криль и креветки – это совершенно разные животные. Ранее он обнаружил планктон по всему побережью, от Осло-фьорда, где он встречается довольно редко, до Лофотенских островов – более привычного района обитания. На побережье Финнмарка о крилевом планктоне знали все рыбаки, с кем ученому довелось побеседовать, ведь для ловли сайды это главная наживка.

Криль прозрачен. Если на него посмотреть при дневном свете, то заметны различные оттенки красного. Чтобы держать связь друг с другом в темноте, эти мелкие ракообразные светятся синим цветом: световые органы у них расположены в верхней части туловища и на голове. Большинству видов планктона приходится совершать долгие вертикальные перемещения каждые сутки. Днем криль уходит на глубину, а под покровом ночной тьмы в поисках пропитания эти мелкие рачки всплывают на поверхность, когда птицы и многие другие их враги, охотящиеся с помощью зрения, отдыхают. Синий кит, напротив, часто продолжает свою трапезу и в вечерние часы, и ночью. Он может нырять на триста метров в поисках пищи, но чаще всего питается у поверхности, если предоставляется такая возможность.

Каким именно образом питается синий кит, Оссиан Сарс не знал, разве что догадывался, что китовый ус используется как сито. Со временем с китобойных судов иногда стали замечать, как кит разгонялся и на полной скорости нападал на планктон, собиравшийся у поверхности воды. Это называлось «кит резвится». Синий кит мог ложиться на бок, чтобы проглотить рачков, или нападал снизу, так, что на поверхности воды показывалась его огромная пасть.

Только в последние годы ученые смогли наблюдать и изучать, как охотится синий кит на глубине. Установив датчики на теле кита, они узнали, что ошибочно было считать самое крупное в мире животное неповоротливым тихоней. Напротив, синий кит оказался искусным акробатом, совершающим свои трюки в скрытой от наблюдателей среде. Но и планктон не дрейфует беспомощно с морскими течениями; как только он замечает опасность, спасается бегством. Синий кит должен внезапно напасть на большое скопление планктона, если не хочет остаться голодным. Чтобы обмануть криль, сделать точный и неожиданный бросок, и чтобы как можно меньше рачков ускользнуло, синий кит совершает удивительные прыжки, которые китобой видели разве что мельком. В глубине морских вод крупнейшее в мире животное маневрирует искусно, как пилот-разведчик или играющий в потоках воздуха ворон. Часто он поворачивается на 360 градусов вокруг собственной оси, продолжая спиралевидные движения в воде, прежде чем броситься на роящихся красно-оранжевых рачков и захватить сотни тысяч одним глотком.

Тело синего кита – обтекаемой формы и довольно мускулистое, как будто специально созданное для такой охоты. Похожая на башмак голова может выдержать резкое торможение, когда открываются челюсти. Кости нижней челюсти – самые крепкие кости в животном мире – соединяются с черепом не обычными сухожилиями, а довольно эластичными связками, являющимися отличительным свойством китов семейства полосатиков. Спереди эти две кости также имеют подвижное соединение. Система достаточно крепка и подвижна: массивные челюсти могут выворачиваться наружу так, что объем пасти, захватывающей воду вместе с планктоном, становится еще больше.

Когда синий кит достигает скопления криля и открывает пасть, в дело вступают также «отличительные грудные борозды», как их называл Сарс. Борозды – это полосы эластичной

ткани среди плотного жира. Они способствуют тому, что вся нижняя часть тела от носа до пупка может превратиться в огромный мешок. При захвате криля этот мешок наполняется массой воды с планктоном почти такого же объема, как сам кит в своем нормальном состоянии. Тогда обычно стройное животное на некоторое время становится похожим на огромного головастика или воздушный шар с хвостом.

Если грудные борозды кита являются «отличительными» признаками, то язык тем более уникален¹. Он состоит больше из жира, чем из мышц. Когда синий кит захватывает воду с планктоном, язык делает то, что для обычного языка невозможно. Под давлением воды он проталкивается назад и вниз, выворачивается наизнанку и заполняется водой, растягиваясь в большой тонкий мешок². Вскоре он заполняет собой все пространство в теле кита, достигая пупка. Таким образом полностью деформированный язык образует внутренний слой заполненного планктоном и водой мешка.

Кит продолжает бить хвостом, чтобы набрать еще больше воды себе в пасть. Гортанный мешок раздувается, но мышечные слои под бороздчатым жиром оказывают сопротивление и обеспечивают равномерное распределение сильнейшего давления воды. В 2012 году ученые из США и Канады описали ранее неизвестный орган чувств, находящийся на нижней челюсти китов семейства полосатиков. Судя по всему, этот орган помогает координировать работу мышц, когда морские гиганты бросаются на стаи планктона.

Захват длится несколько секунд. Когда гортанный мешок заполняется, пасть закрывается. Вода процеживается сквозь бахрому китового уса. Кит сильно тормозит, когда открывает пасть, и ему нужно разогнаться, чтобы совершить новую атаку. В течение одного ныряния происходит несколько таких захватов. Однако мощные маневры истощают запасы кислорода и ограничивают количество атак. Поэтому кит находится на глубине не дольше пятнадцати минут.

По-прежнему неизвестно, как кит находит скопления планктона. Вероятно, это умение приобретается с опытом, и кит понимает, где может находиться криль. Звуки других китов также могут указывать, где в данный момент скопился планктон. Важную роль в поиске добычи играет и зрение. Однако синий кит охотится и на большой глубине, где видимость плохая. Возможно, кит слышит, где есть криль. Вероятно, он улавливает производимые плотной массой рачков подводные звуки, или, возможно, криль меняет вкус морской воды и таким образом обнаруживает себя. Когда синий кит приближается к крилевому облаку, то точно ощущает проплывающих мимо рачков. На голове у него находятся чувствительные усики.

Крупные скопления криля встречаются повсеместно в Мировом океане. Где бы они ни появлялись, их внимательно изучают. Кратко это можно описать так: криль изобилует там, где богатые питательными веществами слои воды поднимаются с глубины к поверхности и солнечному свету, что способствует развитию растительного планктона, которым питается криль. Такие вертикальные перемещения происходят в полярных районах чаще, чем на экваторе, потому что верхние слои воды, охлаждаясь, становятся тяжелее и опускаются вниз. Именно поэтому в тропических морях не такой богатый животный мир: растительность не развивается из-за недостатка питания. Равномерно теплые и поэтому легкие поверхностные слои воды в тропиках лежат плотно, как крышка, и препятствуют затонувшим питательным веществам вновь подниматься на поверхность. В Арктике и Антарктике, напротив, летом воды чрезвычайно богаты планктоном. В других акваториях, тем не менее, источники питания и, соответственно, криль распределяются неравномерно. Живоносные вертикальные перемещения водных слоев происходят только в определенных местах, например, там, где ветер гонит верхние слои от берега и глубоководные слои притягиваются к суше. Это может происходить также и

¹ Sars 1879a, s. 6.

² Hjort 1933, s. 7.

далеко в открытом море вдоль фронтов, где сталкиваются водные массы разной температуры и солености. Возможны такие явления и там, где дно очень неровное, где присутствуют подводные горы, острова, обрывы и ущелья. Рельеф морского дна создает турбулентные потоки, когда проходят морские течения. Много растительного планктона и криля на границе льдов в полярных морях, а также в некоторых заливах и устьях рек.

Планктон, найденный Оссианом Сарсом в желудке синего кита, *Thysanopoda inermis* – один из восьмидесяти пяти известных видов криля, или эуфаузидов, как называется это семейство. Размеры особей варьируются от одного до десяти сантиметров. По всему миру киты питаются различными видами планктона. Самое главное, чтобы эти мелкие рачки собрались в большую и плотную стаю. Каждый захват требует больших затрат энергии, и если криль слишком тонко распределен по воде, баланс энергозатрат оказывается отрицательным. Тогда охота отнимает больше сил, чем приносит.

Морские течения иногда помогают сбивать криль в более плотные стаи. Однако свободно плавающие ракообразные и сами активно стремятся найти своих сородичей. Если они после миллионов лет китовых атак все еще собираются в стаи, это, вероятно, имеет свои преимущества. Плавание в стае защищает от хищников с меньшим размером пасти, таких как рыбы, тюлени или морские птицы. Кроме того, стая обеспечивает каждого рачка в большом море партнером для спаривания.

Название «криль», пришедшее от рыбаков Северной Норвегии, используется сегодня во многих языках для обозначения эуфаузидов – планктона из мелких ракообразных, о которых вряд ли кто-то знал, кроме рыбаков и зоологов, когда Сарс нашел его в желудке синего кита. С тех пор ситуация изменилась. Самым удивительным фактом о криле, вероятно, является то, что это практически невидимое ракообразное несколько раз становилось предметом дебатов в Национальном собрании Норвегии еще до того, как распалась уния со Швецией.

Кит в Стортинге

Судовладелец Йоханнес Виндинг Харбитц, депутат Стортинга из Тёнсберга, поднялся с мягкого бархатного кресла в зале заседаний, чтобы взять слово по очень важному для его города делу. Была суббота, 29 мая 1880 года. За окнами полукруглого каменного фасада, выходящего на улицу Левенбаккен, легкий бриз трепал шляпы и фалды фраков прохожих¹. В самом зале с внушительной хрустальной люстрой на повестке дня стоял вопрос о китобойном промысле. Правительство предложило запретить охоту на всех китов вдоль побережья Финнмарка на первые пять месяцев года, то есть в сезон путины мойвы, для удобства рыболовного промысла.

Харбитц по-прежнему требовал свободы промысла, во всяком случае до тех пор, пока не появятся более существенные доказательства необходимости его ограничения. Как депутат от Тёнсберга, он, разумеется, был на стороне китобоев. В городе теперь существовали две компании, промышлявшие в Восточном Финнмарке. После нескольких судебных тяжб Свен Фойн не смог больше сдерживать конкурентов, хотя и утверждал, что они нарушают его патентные права. Две китобойные компании ежегодно добывали более 120 китов в сезоны 1878, 1879 и 1880 годов. Благодаря хорошим ценам на ворвань и китовый ус они получили большую прибыль.

Одним из главных аргументов Йоханнеса Виндинга Харбитца и его соратников по дебатам стал синий кит. «Ограничение охоты на сельдяного полосатика – это одно дело, – говорил Харбитц, – но при чем тут синий кит, который не имеет никакого отношения к путине мойвы?» Предложенный законопроект не делал различий между видами китов, не учитывая открытия Оссиана Сарса в области рациона синих китов.

Харбитц стоял в пологом амфитеатре и говорил, обращаясь к председателю, который вел заседание с позолоченного президиума в нижней части зала. Таков был обычай. В зале не имелось кафедры. В остальном зал заседаний представлял таким же, как и сейчас, разве что интерьер был светлее. В 1800-е годы его стены, впоследствии выкрашенные в насыщенный красный цвет, были белыми, а украшения – очень сдержанными.

Королевская пропозиция – законопроект об ограничении охоты на китов, одобренный самим королем Оскаром II, – появилась как следствие предложения, внесенного одним из депутатов от Финнмарка. При обсуждении в конце мая 1880 года закон об охране китов встретил теплую поддержку со стороны всех депутатов от Северной Норвегии, бравших слово. Юрист Юхан Блакстад, представлявший Вадсё и другие города Финнмарка, объяснил, насколько насущным для его области является требование об ограничении китобойного промысла. Что касается синего кита, считал он, то во время промысла очень трудно проследить, какого именно кита добывают, если бы закон делал различие между видами. Кроме того, промысел синего кита несет потенциальную опасность повреждения рыболовного снаряжения и угрозу для жизни рыбаков.

Главными противниками в прениях были преимущественно те, кто отстаивал права рыбаков, и те, кто защищал интересы китобоев. Рыболовный промысел был, разумеется, более крупной и важной отраслью, в отличие от китобойного. Вопрос заключался в том, действительно ли китобойный промысел угрожает рыболовству, как утверждали рыбаки. Защитники китобоев это отрицали или указывали на отсутствие доказательств. Они нашли поддержку у таких авторитетных ученых, как Оссиан Сарс. Сторонники ограничения китобойного промысла считали, что практический опыт рыбаков имеет больший вес.

¹ Johnsen 1959, s. 393.

К концу обсуждения влиятельный президент Стортинга, Юхан Свердруп, выступил с убедительным докладом в поддержку рыбаков. Он нападал на Сарса, не называя его имени. Профессор был чиновником, соответственно, принадлежал к элите, а Свердруп любил провоцировать элиту от лица простого народа.

«Зоологи на самом деле мало знали о том, чем занимаются киты, когда ныряют на глубину, и им нечего сказать в споре рыбаков и китобоев, – утверждал Свердруп. – Здесь наука просто-напросто расписалась в своем бессилии, банкротстве и полном поражении. Однако открытое признание поражения очень болезненно, особенно для научных корифеев и для тех, кто им внимает, поэтому оно облечено в те слова, что здесь нам представлены». Он считал, что лучше прислушиваться к практикам, а именно к рыбакам.

Свердруп озвучил также и внешнеполитический аргумент, который, судя по всему, стал решающим для правительства и короля, чтобы поддержать предложенный законопроект, – угрозу со стороны России. Говорили, что русские власти тоже рассматривают возможность введения подобных ограничений на промысел. Если Норвегия не пойдет рыбакам навстречу, то существует опасность, что они найдут поддержку со стороны царской России. Власти постоянно опасались того, в чью сторону смотрят жители Финнмарка.

В конце концов, законопроект был принят 65 голосами против 16. Судя по всему, доклад Юхана Свердрупа склонил чашу весов в его пользу².

Конфликт между китобоями и рыбаками стал основной темой дебатов в Стортинге. Кроме того, многие представители обсуждали опасность истребления популяции китов. Этот вопрос на повестку дня поставил Оссиан Сарс в своем отчете для министерства внутренних дел после новой поездки в Вадсё летом 1879 года. Он нашел много трагических доказательств тому, что человеческая безрассудность способна полностью стереть этих животных с лица Земли. Ученый сомневался, что китобои сумеют это сделать, так как киты могут уйти в Мировой океан. Однако промысел может «почти полностью выгнать китов из отдельных прибрежных районов»³. Это показал опыт прежних времен на примере промысла гладких китов.

Сарс подразумевал, что китобойный промысел в Финнмарке может достичь таких масштабов, что закон о его ограничении станет насущной необходимостью. Пока такой нужды в законе нет. «Если какой-либо вид китов и сократится на побережье Финн-марка в результате промысла, то это будет синий кит, – писал Сарс. – Но в последние годы, как мне видится, прибыль от промысла такова, что ничто пока на это не указывает». К такому же выводу пришел и Борд Мадсен Хаугланд из Хордаланда. Промысел шел, как говорится, с ветерком. Он сам посетил Вадсё летом двумя годами ранее и своими глазами видел пять огромных мертвых синих китов, готовых к переработке на фабрике Фойна.

Депутат от Финнмарка Густав Юлиус Флор, напротив, утверждал, что уже появились признаки, указывающие на то, что синего кита стало меньше. «Китобои в заливе Варангер все чаще довольствуются сельдяным полосатиком вместо более крупного и жирного синего кита, которого предпочитают», – утверждал Флор. Он слышал от рыбаков, что синий кит и сельдяной полосатик растут очень медленно. Поэтому он предупреждал, что в Финнмарке может произойти то же самое, что и в других промысловых районах. Все ресурсы для китобойного промысла могут просто-напросто исчезнуть. Опытный рыбак Хеннинг Мартиниус Ульсен с ним соглашался. «Коллеги по Стортингу должны понимать, что популяция китов у побережья Финнмарка не исчисляется миллионами, а вряд ли достигает даже тысяч», – говорил он.

Большинство депутатов Стортинга, вовлеченных в дискуссию о полном истреблении китов, предлагали чисто практический взгляд на проблему. В XIX веке животных привычно делили на полезных и вредных, и вредные подлежали истреблению. Например, в Норвегии

² Sars 1879b.

³ Henriksen og Røv 2004.

с 1845 года существует «Закон в отношении истребления хищных животных и защите другой дичи», согласно которому выплачивались премии за каждого убитого волка или медведя. Также и тюлени считались преимущественно вредными животными⁴. Они конкурировали с рыбаками, воровали рыбу с линей и из сетей, повреждали рыболовные снасти. Киты, напротив, считались полезными. Некоторые депутаты Стортинга делали упор на то, что они служат сырьем для промышленности, другие – что они помогают рыбакам.

Оссиан Сарс в своем отчете из Финнмарка представил новый взгляд на ценность этого вида. «Киты имеют значение в большом хозяйстве природы и вносят свой вклад в поддержание равновесия, что необходимо для сохранения существующего характера морской фауны, – писал он, не подчеркивая, в чем именно заключается вклад со стороны китов. – Любое нарушение этого равновесия будет предметом для беспокойства, поскольку мы не знаем, какие дальнейшие последствия все это может повлечь за собой»⁵.

Депутат Сиверт Нильсен из Нурланда взял это высказывание на вооружение. В дискуссиях в Стортинге он повторил слова Сарса о равновесии и о «хозяйстве природы». Нильсен также считал, что необходимость в охранных мерах более насущна, чем думал даже сам Сарс. Он напомнил старую поговорку о том, что поздно закрывать колодец, когда ребенок утонул.

Закон об ограничении промысла на самом деле не стал трагедией для отрасли, как заявляли прежде оставшиеся в меньшинстве депутаты Стортинга и Свен Фойн. Китобойи по-прежнему могли свободно добывать кита в открытом море, кроме охранной зоны длиной одну милю вокруг побережья. Правила не предусматривали никаких отличий для промысла синего кита. Охранный период у побережья заканчивался 1 июня, то есть раньше, чем синий кит появлялся в Финнмарке.

Фактически принятые Стортингом охранные меры повлекли за собой настоящий бум в китобойной отрасли. В конце последнего десятилетия XIX века Свен Фойн начал продавать лицензии новым обществам, и теперь в промысел включился и Саннефьорд. Одно из новых обществ основали судовладельцы из этого города, ставшего позднее настоящей столицей промысла. Фойн требовал, чтобы новые участники держались подальше от залива Варангер, где работал он сам. Новые промысловые станции распространились от побережья Финнмарка с востока на запад. Некоторым компаниям Фойн выставил и другое, довольно странное условие – а именно отчислять десять процентов доходов непосредственно на миссионерскую деятельность по просвещению язычников.

Когда в 1883 году срок действия патента Фойна закончился, на арену вышли и другие общества. Размах промысла увеличивался. За период 1885–1895 годов ежегодно на станции вдоль побережья Финнмарка, а затем и Тромса привозили от 700 до 1300 китов. «На мой взгляд, тот подъем, что пережил китобойный промысел в последнее время, производит впечатление хищничества», – говорил председатель Промышленного комитета Стортинга Вальтер Скотт Дал еще в 1885 году. Однако китобойный промысел развивался более или менее беспрепятственно. К мягкому ограничительному закону от 1880 года приняли несколько незначительных поправок в 1885, 1890 и 1896 годы. Рыбаки Финнмарка продолжали требовать более серьезных охранных мер, временами довольно громогласно, но их протесты быстро угасали в те годы, когда отмечался хороший улов и приходило много мойвы и трески.

Китобойи протестовали против новых ограничений и пытались отменить существующие. Они постепенно приобретали влияние. Хотя китобойный промысел по своему значению никогда для норвежцев не вставал вровень с рыболовным, он стал отраслью, с которой приходилось считаться. Китобойный промысел приносил значительную прибыль от экспорта и обеспечивал рабочими местами сотни людей.

⁴ Sars 1879b.

⁵ Sandefjords første hvalfangstselskap, статья на портале hvalfangstmuseet.no, lest 15.11.2016.

Белые ночи вандалов

У Юхана Йорта на фотографиях всегда были нахмуренные брови. Усы вместе с уголками рта также опускались книзу. Его любимым портретом был тот, где он стоял на палубе исследовательского судна «Михаэль Сарс» среди сетей и мотков троса, широко расставив ноги, взгляд устремлен вверх, а руки в карманах¹. Молодой зоолог и океанолог затратил много усилий, чтобы Стортинг выделил ассигнования на этот пароход. На его борту он провел лучшие свои дни. Йорт редко бывал дома с семьей, и его старший сын впоследствии вспоминал, как он боялся вечно спешащего отца². «Я никогда не ходил с ним на лыжах или на рыбалку, он не учил меня плавать или ходить под парусом, ему не хватало терпения»³.

В первый год нового века Йорт возглавил первое плавание «Михаэля Сарса» на Север. В 1901 году он следовал тем же путем. Цель заключалась в том, чтобы помочь правительству занять правильную позицию во все более ожесточенном конфликте вокруг китобойного промысла на Севере, и средства варьировались от постоянного взятия проб планктона до бесед с рыбаками и китобоями. Герой-полярник Фритьоф Нансен, который, как и Йорт, имел докторскую степень в зоологии, возглавлял научный состав экспедиции.

Капитан Герхард Сёренсен сам ранее принимал участие в китобойном промысле, и это вызывало подозрения сторонников охраны китов⁴. Однако начальника экспедиции слухи не интересовали. На большой встрече в Вардё летом 1901 года Йорт задавал почти инквизиторские вопросы представителям от рыболовства. Действительно ли они считают, что промысел синего кита наносит такой же урон рыболовству, как промысел сельдяного полосатика или горбача? Не приведет ли китобойный промысел в Исландии к уничтожению популяции, и помогут ли в чем-то охранные меры в Норвегии? И если государству придется выплачивать компенсации китобоям в результате принятия охранных мер, не лучше ли потратить эти средства на прямую поддержку рыбаков?

Вопросы от «посланника науки», как его назвала газета «Финнмаркен», подозрительно напоминали аргументы китобоев⁵.

Йорт так же не поладил с рыбаками, как и его более тихий предшественник Георг Оссиан Сарс. Противодействие ученым с юга объяснялось отчасти непоследовательной политикой в области рыболовства. Йорт старался, чтобы рыбаки освободились от сезонности и нестабильности лова вдоль побережья и, используя крупные паровые или моторные суда, отправлялись за рыбой в открытое море. Многие в Северной Норвегии считали такую политику угрозой экономике региона и своему образу жизни. Некоторые из наиболее активных противников китобойного промысла оспаривали большинство заключений ученых. Например, они так и не признали факт, что синий кит не охотится на мойву⁶.

Когда Йорт обобщил свои результаты плаваний в течение двух лет в книге «Рыболовство и китобойный промысел в Северной Норвегии», изданной в 1902 году, он в некотором смысле пошел рыбакам навстречу. Йорт согласился, что сельдяной полосатик помогает рыбакам, так как указывает, где находятся косяки мойвы, а косяками мойву ловить гораздо легче. Он предложил следующее решение – ввести охранный статус для сельдяного полосатика, а не

¹ Schwach 2000, s. 103. Судно было названо в честь покойного отца и учителя Георга Оссиана Сарса.

² Figueiredo 2002, s. 29.

³ Minneskrift av J.B. Hjort, цит. по: Figueiredo 2002, s. 49.

⁴ Schwach 2000, s. 112.

⁵ Johnsen 1959, s. 580.

⁶ Innlegg av Henning Martinius Olsen (Olsen-Skog) i debatten 29–31.5.1880, и Egede-Nissen 2.6.1903.

для синего кита и других видов, но оно не получило поддержки ни со стороны рыбаков, ни со стороны китобоев. Время для компромиссов ушло.

Вечером 2 июня 1903 года Адам Эгед-Ниссен, глава Комитета по охране китов, почтмейстер из Вардё и депутат Стортинга, спускался по лестнице между рядами в зале заседаний. Его целью была трибуна, которую теперь установили в центре зала.

Доклад представителя от партии левых описал ситуацию в Финнмарке как кризисную. Сокращение популяции китов привело к снижению вылова рыбы вдоль побережья, а вторжение гренландского тюленя во фьорды еще больше усугубило ситуацию. Эгед-Ниссен и в этом обвинил китобоев.

Норвежская политика изменилась с 1880 года, когда в Стортинге состоялись первые дебаты по вопросу китобойного промысла. Теперь появились политические партии. Стортинг обеспечил себе более серьезный контроль над правительством после борьбы с королем и прежним консервативным правительством. Министры стали участвовать в дебатах в зале заседаний и получили отдельные места в первом ряду. На этот раз в обсуждении вопросов, связанных с китобойным промыслом, принял участие сам премьер-министр Отто Блер. Также все мужчины получили теперь избирательное право. Депутаты Стортинга, решавшие судьбу китобойного промысла, были избраны мужчинами из всех социальных слоев общества, в том числе наемными рабочими и рыбаками, не владевшими крупной собственностью, то есть теми группами людей, которые раньше не имели доступа к политике.

Эгед-Ниссен зачитал с трибуны заявление от руководства муниципалитета и от профсоюза рабочих и рыбаков городов Финнмарка. «Собрание требует полного запрета на охоту на все виды китов по всей стране», – такое решение, например, приняли более двухсот рыбаков в Вадсё. Эгед-Ниссен принадлежал к левому крылу своей партии. Впоследствии он стал коммунистом. В деле о китах он был солидарен со священником-социалистом Альфредом Эриксом из Тромса. Осенью должны были состояться парламентские выборы, и в борьбе за первые мандаты для Рабочей партии Альфред Эриксен и остальные кандидаты от Северной Норвегии использовали вопрос о китах везде, где только предоставлялась такая возможность. Правые, напротив, были на стороне китобоев.

Разногласия по китовому вопросу приобрели политическую и партийную окраску. Это дело стало символом других требований народа в Северной Норвегии и получило воплощение в классовой борьбе. Комитет по охране китов также с большим удовольствием играл на страхе властей перед Россией. Он предупреждал, что «каждый выстрел в кита» является «выстрелом в норвежское правительство и норвежский флаг в Финнмарке».

В правящей партии левых не было единодушия по китовому вопросу. Правительство Отто Блера выступило за полный запрет промысла сельдяного полосатика и горбача. Королевская пропозиция, обсуждавшаяся в Стортинге 2–3 июня 1903 года, также содержала запрет на буксировку на берег и разделку туш китов охраняемых видов, добытых в международных водах. На практике это означало полную остановку промысла с баз в Норвегии, поскольку синего кита осталось мало. Сторонники китобоев в Стортинге оборонялись как могли. Они добивались переноса дела. Кроме того, они требовали лучше разъяснить права китобойных обществ на компенсации в случае ликвидации отрасли.

Дебаты получили драматический поворот утром 3 июня. Пришли новости о масштабном разбойном нападении на китобойную станцию в Финнмарке. «Фабрику ночью полностью уничтожили», – значилось в только что пришедшей телеграмме, которую депутат из Тёнсберга зачитал с трибуны. Две ночи подряд сотни рыбаков, которые находились на берегу в рыбацком поселке Мехамн по случаю праздника Троицы, нападали на станцию⁷. Ранее она принадлежала ныне покойному Свену Фойну, а теперь ею управляла столичная компания. Белой северной

⁷ Niemi 2003, дата исправлена по протоколу заседания Одельстинга.

ночью рыбаки сбросили бочки с жиром в море. Вооружившись кувалдами и другими орудиями, они ломали машины, разбивали окна и двери, крушили все, что подворачивалось им под руку. Управляющий и государственные контролеры в униформе беспомощно наблюдали за происходящим. Мародеры прикрепили трос к двум высоким трубам фабрики и обрушили их. Когда крушить стало нечего, утром 3 июня рыбаки начали сбор средств для рабочих фабрики, которые остались теперь без работы. Они водрузили норвежский флаг на флагштоке станции, но нарочно перевернули его так, чтобы ненавистный символ унии с цветами шведского флага оказался снизу. Затем рыбаки запели гимн: «Да, мы любим эту землю».

Несколько часов спустя депутат из Тёнсберга Кристиан Кнудсен стоял на трибуне Стортинга и выступал с пламенной речью против охранного проекта правительства. Представитель партии правых заявил, что таким образом рушится целая отрасль. «Именно сейчас мы со скорбью наблюдаем, как сотни и сотни наших работоспособных граждан эмигрируют в другие страны, – Кнудсен имел в виду эмиграцию в Америку, – в то время как Национальное собрание страны уничтожает если не крупнейший, то, по крайней мере, весьма значительный источник дохода нашей экономики». Норвежцы уже начали добычу китов в Исландии и на Фарерских островах. И что, рабочие места в китобойном промысле тоже должны теперь эмигрировать за границу?

На первом этапе сторонникам промысла удалось добиться своего. Дело отложили до выборов. Но когда его снова приняли к рассмотрению, всего лишь полгода спустя, большинство выступило за полный запрет охоты на все виды китов. Акция вандалов в Мехамне, необычно грубая для Норвегии, произвела сильное впечатление, собственно, как и результаты выборов в Северной Норвегии. Рабочая партия получила свои первые четыре мандата в Стортинге той осенью. Все депутаты были из северной части страны, среди них и священник Альфред Эриксен. Теперь парламент принял решение полностью запретить китобойный промысел и переработку всех видов китов вдоль побережья Северной Норвегии на следующие десять лет. Юхан Йорт ужаснулся такому решению. Он воспринял это как поражение науки и специалистов⁸. Ему пришлось также смириться с тем, что его место в Стортинге занял представитель Рабочей партии Альфред Эриксен, служитель «власти, авторитета и капитала»⁹.

Именно разбойная выходка северонорвежских рыбаков заставила Стортинг в конце концов запретить китобойный промысел¹⁰. Однако и в более ранних дебатах, предшествовавших принятию охранного закона 2 декабря 1902 года, многие высказывали опасения по поводу полного истребления крупных китов. Исчезновение синего кита и сельдяного полосатика из отдельных акваторий уже не было гипотетической возможностью. «В заливе Варангер промысел иссяк почти полностью», – указал министр торговли Якоб Шёнинг, выступая в Стортинге. Деятельность постепенно перемещалась по побережью Финнмарка на запад, но и там промысел не увенчался особым успехом. «Они ушли дальше, к Исландии и Фарерским островам, а в прошлом году начали охоту и у Шетландских островов; на следующий год пойдут на Гебриды».

«Летом 1903 года промысловые станции в Финнмарке получили только 445 китов», – указал Шёнинг. Объем промысла варьировался каждый год, но стал явно меньше, чем раньше. Теперь промысловикам приходилось уходить далеко в море, чтобы найти кита, часто вплоть до острова Медвежий или Шпицбергена. После забоя туши китов буксировали на побережье Финнмарка.

«Синий кит практически исчез с норвежского побережья, то же самое грозит и сельдяному полосатику», – предупреждал представитель партии левых Кнут Йоханнес Хоуген, дирек-

⁸ Schwach 2000, s. 133.

⁹ Цитируется по Nordstrand 2000, s. 73.

¹⁰ Debatten 2.12.1903 и Schjøning 1950, s. 92–93.

тор школы из Кристиансанна. Многие соглашались с тем, что популяция значительно сокращается, хотя некоторые смотрели на ситуацию более-менее оптимистично.

Директор Хоуген выделился во время этих обсуждений тем, что обратил внимание на другую важную особенность этого крупнейшего в мире животного, помимо источника сырья. «Кит является своеобразным реликтом древнейших гигантов, – считал он, – и представляет собой значительный естественнонаучный интерес. С моей точки зрения, это главная причина, чтобы взять этот вид под охрану, так как нужно предпринять попытку остановить его истребление ради него самого».

Противники охранного закона считали, что для сохранения китов необходимо международное соглашение. Поскольку ничего подобного пока не предвидится, то охранные меры окажутся бесполезными; утверждали даже, что принятие Норвегией охранного закона ускорит полное истребление этих животных.

«Промысел предыдущих лет показал, что можно вполне успешно перерабатывать добычу на борту», – сказал представитель от партии правых Юхан Лоте из Бергена. Он считал, что охранные меры заставят китобоев строить плавучие фабрики и вытапливать ворвань из подкожного жира прямо в международных водах. Тогда остатки туши пойдут в отходы. Китобоям придется добывать больше китов, чтобы промысел приносил какую-то прибыль. «Я почти полностью уверен в том, что если это будет продолжаться хотя бы некоторое время, то кит станет музейным экспонатом, – сказал Лоте. – В любом случае, он будет изгнан из норвежских прибрежных вод».

Никто не упомянул об этом в Стортинге, но еще прошлым летом китобои мало-помалу начали перерабатывать туши китов в международных водах. Примитивная фабрика стояла на якоре в одном из фьордов на Шпицбергене. Арктический архипелаг был тогда еще нейтральной территорией. Когда приняли охранный закон, китобои осваивали все новые и новые берега, а промысел в Финнмарке явно подходил к концу, так что решение Стортинга вряд ли оказало значительное влияние на перемещение деятельности в другие районы¹¹. Китобои попросту отправлялись туда, где киты еще водились в достаточном количестве.

¹¹ Tønnessen 1967, s. 12–13.

Синий кит по-исландски

Летом 1385 года исландский ховдинг Бьорн Эйнарссон отправился в плавание из Бергена. Он и его свита возвращались на родину. На каждом открытом корабле на единственной мачте посередине надувался один прямоугольный парус¹. Суда очень походили на корабли викингов, на которых скандинавы впервые попали в Исландию и далее на запад. Из-за непогоды они сбились с курса. Бьорн и его люди оказались в Гренландии, в древнескандинавском поселении Аустербюгд, основанном исландцами триста лет назад. Там им пришлось задержаться. Необычайно плотные льды помешали продолжить плавание. У гренландцев не имелось запасов, чтобы прокормить столько лишних людей, так что всю осень Бьорну пришлось прилагать немало усилий для добычи пропитания для своей свиты. Спасением стал огромный кит. Был ли он уже мертв или его потребовалось забить – неизвестно, но он был ранен, в его теле торчало копье.

Это копье являлось своеобразным приветом с родины. На нем стояло клеймо некоего Олафура из сурового края Вестфирдир в Исландии, где родился сам Бьорн. Поскольку Бьорн впоследствии оставил записи о находке копья, то скорее всего поступил по закону, а именно заплатил Олафуру за кита. Тот, кто первый оставит свое клейменое копье в теле кита, имел право на часть туши и по исландским, и по норвежским законам.

Рассказ Бьорна Эйнарссона о своих путешествиях, где упоминался кит, впоследствии был утерян. Но в 1623 году его тезка Бьорн Йонсон, который, вероятно, читал источник, рассказал об этом событии. Он утверждал, что кит, приплывший из Исландии в Гренландию с копьем в теле, был *steypireyður*. Так синий кит называется по-исландски.

Пока Георг Оссиан Сарс безуспешно пытался отыскать старинное норвежское название, которое с уверенностью можно было бы отнести к синему киту, исландцы писали (и, вероятно, говорили) о китах гораздо больше на протяжении веков². Остров Исландия геологически относится к Срединно-Атлантическому хребту – вулканической цепи, возвышающейся посреди океана и создающей препятствия морским течениям, которые поднимают из глубин живоносный планктон. Здесь очень много китов. В исландских сагах часто говорится о попадающихся тому или иному персонажу китах, в избытке обеспечивавших людей едой. Сегодня исландским словом *hvalreki* называют как выбросившегося на берег кита, так и любую удачу.

По древним источникам трудно понять, о каких именно китах шла речь, во многих случаях вообще не ясно, были ли это реальные животные или плод фантазии. Некоторые наши современники считают, что кит, которого называли «рейдр» (*reyður*)* – это, должно быть, синий кит³. Другие полагали, что это сельдяной полосатик или общее название для всех полосатиков – синего кита, сельдяного полосатика и т.п.⁴

Трактат «Королевское зеркало», созданный, вероятнее всего, в Норвегии в 1200-е годы, содержит немало страниц о китах, живших в окружающем Исландию море, в том числе и о рейдрах – крупных и длинных⁵. Зубов у них не было. Говорили, что сперма рейдра излечивает множество болезней, если только удавалось ее добыть, а сам рейдр – мирное животное и для судов не опасен. На него часто охотились, и из всех китов он был самым вкусным. Возможно, само слово «рейдр» указывает на красный цвет китового мяса. На датский и норвеж-

¹ Предположительно, так они выглядели. Личные комментарии профессора в отставке Arne Emil Christensen, через Per Norseng, Norsk Maritimt Museum.

² Sars 1866 и 1875.

* От древнескандинавского *rauðr* – красный. – *Здесь и далее примеч. пер.*

³ Lindquist 1994, s. 217.

⁴ Szabo 2008, s. 183.

⁵ Lindquist 1994, s. 996 (древнескандинавский) и 991 (английский), Brøgger 2000 (норвежский).

ский «рейдр» часто переводится как *rørhval* («трубчатый кит») и истолковывается как отсылка к полосам («трубкам»), которые имеют все члены семейства полосатиков на нижней стороне передней части тела. В свою очередь, это слово в английском языке трансформировалось в *rorqual* и является общим наименованием всех представителей семейства полосатиков.

С XVII века встречаются исландские описания, в которых под названием *steypireydur* совершенно точно подразумевается синий кит. Непонятно другое – откуда взялось такое название, но глагол *steypa* можно перевести как «опрокидывать, переворачивать, нырять» или «лить, отливать (из металла)». Около 1640 года исландец Юн Гудмундссон по прозвищу Ученый писал, что синий кит является самым лучшим и благословенным из всех китов. Если злые киты (а такие тоже бывают) хотят навредить людям и кораблям, то синий кит защищает моряков. Рукописи Юна Гудмундссона украшает отлично выполненный и для своего времени относительно реалистичный рисунок, изображавший синего кита⁶. Многие исландские авторы XVII–XVIII веков описывали синего кита как доброе и услужливое животное, не сопротивляющееся людям, даже если те хотят его съесть.

«*Steipereydur* – самый большой среди известных китов», – писал Эггерт Олафссон в 1772 году⁷. Он учился в Копенгагене и был приверженцем идей Просвещения. Его рассказы о китах не настолько изобиловали фантазиями и суевериями, как более ранняя исландская литература. Олафссон сожалел, что исландцы стали такими ленивыми и трусливыми, что начали добывать меньше китов, чем их предки. Однако большого кита *steypireydur* промышляли по-прежнему. Синий кит – это привычное животное в исландских водах, утверждал Олафссон, и «его выгоняют на берег, некоторые отважные моряки его убивают гарпуном». Последнее происходило в регионе Вестфирдир. Там синий кит заходил в самую глубину фьорда, и как только он получал себе в спину железное копьё, охотники ждали, надеясь, что он ослабнет от потери крови или инфекции и его можно будет заполучить. Традиция ставить клеймо на копьях по-прежнему сохранялась. С помощью этих клейм узнавали, кто именно нанес киту смертельную рану: «Копья маркировали и регистрировали по закону (...), эта традиция сохранилась и в Норвегии с древних времен».

В Исландии древнескандинавские традиции промысла крупных китов соблюдали в большей степени, чем в Норвегии. Метод исландцев заключался в том, что животному наносили рану с помощью копья (часто его называли гарпуном) с зазубринами-отбойниками и с клеймом владельца, однако без линя. При этом надеялись, что в узких фьордах тяжело раненого или мертвого кита в конце концов вынесет в такое место, где его можно будет освежевать.

Последнего крупного кита добыли таким способом в 1894 году. Гисли Асгейрсон, выросший в Вестфирдире в конце XIX века, рассказывал впоследствии, как отец и брат промышляли китов. Когда гарпунер с помощью двух гребцов воткнул гарпун в спину кита, древко отделилось от железного наконечника, оставшегося в животном. Теперь надо было убраться оттуда поскорее, потому что раненый кит становится злым и опасным. С берега охотники следили за ним с помощью бинокля. Могло пройти дня два, прежде чем кит окончательно терял свои силы. Тогда охотники на лодках подплывали к нему и тащили на сушу. Иногда кит уплывал в соседний фьорд, где его находили другие люди. Тогда отец или брат Гисли получали ту часть туши, на которую давало право маркированное копьё. Как только кто-то добывал кита, на берегу собиралась вся деревня, чтобы помочь освежевать его и разделать.

Таким образом добывали в основном молодняк. Взрослые киты с гарпуном в спине уплывали из фьорда в течение первых суток, и больше их никто не видел. «Самки синих китов и сельдяных полосатиков часто бросали своих умирающих детенышей на произвол судьбы», –

⁶ Lindquist 1994, s. 218, Geirsson 2015, s. 30, 32.

⁷ Цит. по: Lindquist 1994, s. 1018.

рассказывал Гисли Асгейрсон. Но самка горбача оставалась с мертвым китенком. Часто можно было видеть, как она нападает на лодки охотников, буксировавших детеныша к берегу.

К концу XIX века этот способ промысла применяли лишь несколько человек только в одном фьорде. Эта традиция сошла на нет после того, как в Вестфирдире стали промышленно ловить норвежцы на паровых шхунах с гарпунными пушками. Тогда, по словам Гисли, количество китов резко сократилось.

Еще на старте своего модернизированного промысла Свен Фойн побывал в Исландии, чтобы поучиться у американцев Ройса и Лиллиендала. В 1883 году он снова обратился к опыту этой страны. Свен Фойн сотрудничал с судовладельцами из Хёугесунна, внедряя новую норвежскую методику. Суда из Хёугесунна уже промышленно ловили сельдь в исландских фьордах. Так моряки из Юго-Западной Норвегии освоились в этом районе и завели полезные знакомства. Прибыль от сельдяного промысла составила стартовый капитал для добычи китов.

Станция, основанная Фойном и хёугесуннцами в 1883 году, располагалась в хорошо защищенном фьорде Алфтафирдир, ответвлении могучего залива Исафьярдардьюп в районе Вестфирдир. Общество называлось «Монс Ларсен и Ко». Их первое промысловое судно «Исафолд» построили в «Механической мастерской Акера» в Христиании (Осло), капитаном и гарпунером был дальний родственник Свена Фойна – Самуэль Фойн.

Промысел шел хорошо, работа на береговой станции кипела. На плоском мысу, выдававшимся в глубину фьорда, норвежцы построили многоэтажную жироварню, а также множество других зданий, в том числе кузницу и жилые помещения. Первое, на что обратил внимание один гость из Дании, это ужасный запах от фабрики: «Еще в устье фьорда можно было ее унюхать. Все побережье усеяно огромными, полуразложившимися кусками китового мяса, потрохами и т.д., что отравляет воздух на большом расстоянии»⁸.

Датчанин заметил, что основная часть работ выполнялась с помощью паровых машин. Лебедка вытаскивала кита на берег. После того как мясники срезали сало с его туши специальными ножами с длинной рукоятью, эти куски поднимались на верхний этаж жироварни. Здесь нож с паровым приводом резал их на более мелкие кусочки, а затем их на маленьких тележках отвозили к варочным котлам вместимостью около десяти тонн сала каждый.

Работа на жироварне показалась датчанину прибыльной, но очень грязной. «Все здание полностью пропитано ворванью, нет ни одного чистого местечка, к которому можно было бы притронуться, не запачкавшись, кроме того, нужно крепко стоять на ногах, взбираясь по скользким от ворвани ступенькам».

Свен Фойн возлагал большие надежды на исландский промысел. Он организовал и собственную станцию, помимо работы с хёугесуннцами. Однако вскоре он вышел из общества «Монс Ларсен и Ко» и перевез свое оборудование обратно в Норвегию. Причиной тому стало требование исландских властей, чтобы собственники и капитаны судов постоянно проживали в Исландии. Кроме того, суда должны были ходить под датским флагом. Исландия по-прежнему оставалась в тесной унии с Данией. Для тех, кто отличался от Фойна более широкими взглядами, требования о связи с Исландией при определенной изобретательности не казались обязательными: некоторые переехали, другие зарегистрировались по более или менее фиктивным адресам проживания.

Первые шесть лет общество «Монс Ларсен и Ко» не имело в Исландии конкурентов. Каждую весну суда общества отправлялись из Хёугесунна с норвежской командой на борту, которая должна была затем перейти на промысловые суда и на береговую фабрику в Алфтафьордир. Киты водились в изобилии, особенно синие киты. Со временем, когда китобойных судов у побережья Финнмарка становилось все больше, а китов – все меньше, многие норвежцы

⁸ Thoroddsen, Th. 1888. Fra Vestfjordene i Island. *Geografisk Tidsskrift*, København. Цитата взята из статьи Sverre Halleraker «Havet ble deira grav», sverre-halleraker-lokalhistorie.no.

захотели попробовать себя в Исландии. Появился ряд новых компаний и станций вокруг Вест-фьордир и в аналогичном районе на дальнем востоке острова. Начиная с 1890 года ежегодно в водах Исландии стали добывать больше китов, чем у Финнмарка.

Китобойный промысел в Исландии был таким прибыльным, что норвежцы столкнулись с конкурентами из других стран. Датчане и немцы открывали промысловые станции, хотя суда и оборудование они закупали в Норвегии, а также нанимали в основном норвежский персонал. Однако их деятельность не увенчалась успехом. Напротив, шотландская компания «Кр. Сальвесен и Ко», включившаяся в промысел кита в Исландии, стала со временем крупнейшим международным игроком в этой отрасли⁹. Семья Сальвесен имела норвежское происхождение, но британское гражданство, и проживала в Лите под Эдинбургом. Они стали совладельцами исландских китобойных станций как раз на рубеже веков. Вскоре шотландцы основали собственные станции в Исландии, на Фарерских и Шетландских островах. Они продолжили нанимать норвежский персонал для работы как в Исландии, так и в других акваториях.

С таким количеством промысловых станций вскоре и в Исландии количество китов сократилось. История Финнмарка повторилась. Своего апогея исландский промысел достиг уже в 1902 году, когда в общей сложности добыли 1305 китов разных видов, но вскоре после этого показатели значительно упали.

Отрасль распространялась все дальше и дальше. Китобои вскоре изучили пути миграции синих китов и других крупных полосатиков в Северо-Восточной Атлантике. Один из маршрутов пролегал далеко в океан, вероятно, киты следовали вдоль подводной вулканической горной цепи – Срединно-Атлантического хребта – к северу от Азорских островов в Исландию. Другие особи мигрировали ближе к берегу. Весной они появлялись немного западнее Ирландии, проходили пустынные шхеры Роколл в Атлантическом океане и зеленые шотландские Гебридские острова, продолжая свой путь на север, к Шетландским островам. Оттуда киты могли проследовать вдоль подводной возвышенности на северо-запад к Фарерским островам, затем к Исландии, а также, возможно, и к Гренландии. Альтернативный путь от Шетландских островов пролегал на северо-восток в сторону Норвегии, вдоль континентального склона к Финнмарку и в Баренцево море.

Вдоль путей миграции и пастбищ китов появились новые китобойные станции. В 1894 году Альберт Грэн из Саннефьорда начал модернизированный китобойный промысел на Фарерских островах. В 1903 и 1904 годах норвежские китобои обосновались на Шетландских, Гебридских островах и на западном побережье Ирландии. В большинстве случаев за ними стояли британские инвесторы.

На необитаемый тогда Шпицберген (Свальбард) на севере Баренцева моря китобойный промысел пришел в 1903 году еще в более модернизированном виде, а именно в качестве плавучей жироварни, то есть судна-фабрики. Меньшие по размеру промысловые суда тащили кита к жироварне, надежно стоявшей на якорю в глубине фьорда. Уже в самое первое лето на Шпицбергене компания из Саннефьорда «Эрнен А/С» добыла 45 синих китов. На следующий год плавучая жироварня вытопила жир из 113 синих китов, а также нескольких китов других видов. Появились и конкуренты, быстро переоборудовавшие свои суда в жироварни. Попытки срезать сало с китовых туш, закрепленных у борта, прямо в открытом море, не увенчались успехом – волны и ветер сильно затрудняли работу. Поэтому плавучим жироварням по-прежнему требовалась надежная гавань. Тем не менее они значительно облегчили добычу кита на пустынных берегах.

Однако процесс шел своим чередом. Как и следовало ожидать, киты стали исчезать и в новых промысловых районах. Особенно сильно сократилась численность синего кита,

⁹ Vamplew 1975, s. 133–143.

поскольку китобои, использовавшие современный промышленный метод, предпочитали крупных животных. Промысел на Шпицбергене закрыли в 1912 году.

Статистика по ранним годам современного индустриального промысла не отличается особой точностью. Никто достоверно не знает, сколько из тех китов, что притащили на буксире в Финнмарк в 1868–1904 годах, было синими. Из новых китобойных районов в Северной Атлантике Исландия стала важнейшим. Здесь было добыто более шести тысяч синих китов за период 1883–1915 годов, что значительно превышает показатели Финн-марка. На Шпицбергене промышляли в основном только синего кита. В общей сложности с 1903 по 1912 год было добыто около 1–1,5 тысячи экземпляров.

Рыбаки протестовали против нового китобойного промысла и в Исландии, и в Ирландии, и на островах у Шотландии. Эти протесты, судя по всему, вдохновлялись норвежским движением против китобойного промысла и заимствовали его главные аргументы, однако так никогда и не достигли такого же масштаба и не стали проблемой для отрасли. На Шетландских островах, где движение возглавил молодой социалист и рыботорговец¹⁰, у протестующих появилась своя песня, которая начиналась так:

В дни, пока китобои не отравили все воды вокруг,
Сердца горели, и люди были довольны,
Так как рыба еще водилась, друг¹¹.

Протесты привели к законодательному регулированию и определенным ограничениям промысла, но прекратились, когда молодой социалист переехал на материк и умер там от туберкулеза, а многие мужчины с Шетландских островов получили работу в шотландской китобойной компании Салвесена в южной части Северного Ледовитого океана. Более серьезные ограничительные меры были приняты в Исландии в 1915 году, когда местный парламент запретил китобойный промысел на десять лет. Однако решение было принято уже после упадка в отрасли. В последнее лето в Исландии добыли всего 54 кита. Охранные меры парламента походили на те, что приняли норвежцы двенадцатью годами ранее, но причины отличались. Исландцы стремились, в первую очередь, сохранить остатки популяции китов, чтобы создать в будущем основу для нового промысла.

Синие киты, пойманные у Финнмарка, Шпицбергена, острова Медвежий, Исландии, Фарерских, Шетландских и Гебридских островов, а также у западного побережья Ирландии, принадлежали к особой популяции синего кита в Северо-Восточной Атлантике. Многие из них зимовали где-то к югу от Азорских островов, возможно, в морях к западу от пустыни Сахара.

На другой стороне Атлантики, у побережья Северной Америки, обитает другая обособленная популяция синих китов, которая следует своими маршрутами миграции от сезона к сезону. Летом они появлялись, в том числе, в заливе Святого Лаврентия между Ньюфаундлендом и Квебеком. Зимой, вероятно, уходили далеко в море.

Контактировали ли эти киты со своими сородичами с другой стороны Атлантики, не известно, однако полностью изолированными они не были. Два раза – в 1888 году и снова в 1898-м – у Финн-марка поймали синих китов со странными гарпунами в спине¹². Определили, что такими моделями пользовались китобои Северной Америки. В последние годы снова появились доказательства, что некоторые особи мигрируют между двумя ареалами обитания этих двух популяций¹³.

¹⁰ Alvestad 2006.

¹¹ Tønnessen 1967, s. 27.

¹² Hjort 1902, s. 136–138.

¹³ Sears, R. 2016. 2015–2016: Blue whale review og MICS (не подписано), 2018. *Blue Whales of the North-East Atlantic: 2017–2018, оба с нормала* rorqual.com, lest 14.5.2018. Они описывают две разных особи, каждая сфотографирована и в бухте Святого

Летние районы нагула синих китов в северо-западной части Атлантического океана находятся у Винланда – той части Северной Америки, где Лейф Эрикссон сошел на берег примерно тысячу лет назад¹⁴. «Сага о гренландцах» рассказывает, что группе поселенцев во главе с Торфинном Карлсемном, попытавшейся обосноваться в Винланде вскоре после Лейфа Эрикссона, успех сопутствовал с самого начала. «Они вскоре поймали крупную и хорошую добычу, когда один *рейдр*, большой и мощный, выбросился там на берег; они пошли и разделали кита, так что пищи им хватило надолго»¹⁵. Возможно, это произошло на северной оконечности острова Ньюфаундленд. Именно там археологи нашли следы пребывания викингов. В наши дни маршрут миграции синих китов проходит недалеко от места раскопок.

Древнескандинавские поселения в Винланде вскоре оказались заброшенными. Спустя почти 900 лет, к концу XIX века, возникла более успешная волна миграции из Скандинавии в Северную Америку. Одним из мигрантов стал Адольф Нильсен из Тёнсберга, который с 1889 года работал рыболовным инспектором в самоуправляемом британском доминионе Ньюфаундленд (впоследствии присоединенном к Канаде). Адольф Нильсен стал связующим звеном между местными предпринимателями и норвежскими китобоями. Совместная норвежско-ньюфаундлендская компания заказывала промысловые суда на Акерской судовой верфи и нанимала норвежский персонал. Промысел с первой станции в Ньюфаундленде начался в 1898 году. В этом районе важнейшим предметом добычи стал сельдяной полосатик. Ловили также немало синих китов и горбачей.

Сокращение популяции китов у Финмарка имело последствия. В 1902 году законодательное собрание Ньюфаундленда приняло закон с целью ограничения промысла. Китобойные компании должны были, среди прочего, получать концессию у властей и платить ежегодный сбор. Каждая китобойная станция получала разрешение использовать только одно промысловое судно.

На практике даже этот закон не возымел должного эффекта. Сбор не был столь велик, чтобы напугать тех, кто хотел посвятить себя этому делу. Кроме того, власти удовлетворили большинство заявлений на концессию. В 1904–1905 годы Ньюфаундленд вместе с Лабрадором на материке пережили период самого быстрого и дикого роста многочисленных китобойных компаний. Появилось более тридцати промысловых станций, однако большинство вскоре пришлось закрыть. Потери были огромными. Высокие эксплуатационные расходы и низкий доход от промысла с меньшим в те неблагоприятные годы количеством китов, чем ранее, должно быть, способствовали этому, как и конкуренция между всеми новорожденными компаниями.

Пару первых компаний в Ньюфаундленде основали норвежцы. Затем последовала огромная волна североамериканских инвестиций. Для норвежских судововерфей и поставщиков снаряжения китобойный бум на американском восточном побережье стал, тем не менее, золотой жилой. Кроме того, многие норвежские гарпунеры и другие специалисты, занятые в данном промысле, получали работу в этих компаниях.

Промысел с североамериканского восточного побережья продолжался с переменным успехом в течение многих десятилетий. Одна норвежско-канадская компания активно вела промысел вплоть до Первой мировой войны в залив Святого Лаврентия у Ньюфаундленда с базой в городе Сет-Иль в провинции Квебек. Они добывали ежегодно до тридцати синих китов в 1912–1915 годах и вдвое больше сельдяных полосатиков. Во время Первой мировой войны, когда Норвегия придерживалась позиции нейтралитета, компанию обвинили в пособничестве врагу и закрыли.

Лаврентия, и на Азорских островах.

¹⁴ Tønnessen 1967, s. 20, 46–48 и 83, а также Sears og Perrin 2009.

¹⁵ Мой текст опирается на датский перевод Йеспера Лауридсена вместе с древнескандинавским текстом в редакции Guðni Jónsson. Оба взяты с портала: heimskringla.no/wiki/Grøn-lændernes_saga

После Первой мировой войны новая компания с норвежскими владельцами попыталась вести китобойный промысел у Ньюфаундленда, где добыча уже почти прекратилась. Они добились успеха, но не без препятствий. «Если наши власти хотят прекратить китобойный промысел у наших берегов лет на сто или того больше, то они должны тогда позволить начать это норвежцам, – писала одна из газет Сент-Джонса, столицы Ньюфаундленда. – Они уже полностью очистили свое собственное побережье, американское Тихоокеанское побережье и многие другие места, где раньше киты водились в изобилии»¹⁶. Норвежцы приобрели славу особо эффективных китобоев, как в хорошем, так и в плохом смысле.

¹⁶ Tønnessen 1967, s. 124. Я изменил в переводе «наши авторитеты» на «наши власти».

К востоку от солнца и к западу от луны

В Тихий океан современный китобойный промысел пришел осенью 1889 года. В гавани русского города с говорящим названием Владивосток стояло на причале одно судно. Маленькая паровая шхуна, вооруженная гарпунной пушкой, была построена на верфи Нуланда в Христиании. Капитан Самуэль Фойн раньше участвовал в становлении китобойного промысла в Исландии, и он, как и его штурман Ялмар Бюль, был опытным гарпунером.

Глава китобойной компании, русский дворянин Аким Егорович Дыдымов, также пришедший на этой шхуне, построил наземную станцию в 180 километрах восточнее Владивостока. Промысел шел неплохо. Первые добытые ими в Японском море пять китов были синими.

Уже спустя год Дыдымов рассчитал норвежцев. «Русские и другие местные работники хорошо освоили промысловый метод», – объяснил он. Однако он так и не смог это доказать. В новогоднюю ночь промысловое судно с верфи Нуланда затонуло у восточного побережья Кореи при сильном шторме и температуре воздуха минус 15 градусов. Дыдымов и вся его команда погибли.

В то же время наследник русского престола, а позднее царь Николай II находился в плавании на мощном броненосном крейсере «Память Азова». Целью его путешествия являлся Владивосток. Здесь Николай должен был заложить первый камень в строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. В свите цесаревича путешествовал морской офицер Генрих Гугович Кейзерлинг, граф, родом из Литвы, где находилось его родовое поместье¹. Во время последнего отрезка пути из Кобе в Японии они видели много китов. Во Владивостоке граф Кейзерлинг решил восстановить дело погибшего Дыдымова.

Наземная станция еще существовала, и со временем Кейзерлинг ее выкупил. Однако опытные в промысле люди либо уехали, либо утонули, так что графу потребовалась помощь норвежцев. Это оказалось трудной задачей. Кейзерлинг столкнулся с нежеланием норвежцев делиться своими методами с возможным конкурентом. Решением стал промышленный шпионаж.

В начале лета 1893 года в Вестфирдир в Исландии на борту шхуны из Норвегии с продовольствием и снаряжением для китобоев прибыл моряк Хенри Карлссон. На самом деле это был не кто иной как сам Кейзерлинг, решивший изучить норвежскую методику промысла. Устроиться на китобойную шхуну в качестве матроса ему помог один норвежец из Санкт-Петербурга. Работодателем была недавно созданная компания «Китобойное общество Хёугесунна», «Талкна-общество», как ее называли, по имени наземной станции на одном из подходящих мысов Талкна-фьорда, в остальном окруженного крутыми скалами.

В течение шести месяцев графу Кейзерлингу пришлось трудиться как простому матросу, испытывая на себе все неприятности холодного исландского лета и осени. Он так вошел в роль Хенри Карлссона, что, когда промысловый сезон закончился и он отправился домой на большом пассажирском лайнере, почувствовал себя в первом классе не в своей тарелке. «Богатая обстановка мне казалась такой чужой и неприятной, что меня постоянно тянуло к пассажирам третьего класса и к матросам, с которыми я легче находил общий язык. Так легко потерять свой социальный статус в течение шести месяцев, что я уже не знал, о чем говорить с равными мне по происхождению»².

Однако, вернувшись домой, Кейзерлинг быстро освоился среди элиты. Он воспользовался знакомством с наследником русского престола и обеспечил, как и его предшествен-

¹ Некоторые имена и фамилии пишутся по-разному. Что касается этой фамилии, то встречается написание Кейзерлинг, Кейсерлинг и Кейсерлинг.

² Keyserling 1944, s. 142. Перевод мой.

ник Дыдымов, государственное финансирование своего сибирского промыслового проекта. Он заказал две промысловые шхуны на верфи «Механическая мастерская Акера» длиной тридцать метров. Таким образом, они были немного больше, чем уже трудившееся в Талкна-фьорде судно, и имели более мощные паровые машины. На самом деле «Николай» и «Георгий» стали крупнейшими на тот момент китобойными судами. Осенью 1895 года они отправились из Осло-фьорда. Суда прошли на восток через Средиземное море и Суэцкий канал. Два опытных гарпунера из Саннефьорда были единственными норвежцами на борту.

Компания Кейзерлинга добыла в общей сложности за период с 1895 по 1903 год около тысячи китов, в основном синих китов, сельдяных полосатиков и горбачей. Летом из них вытапливали ворвань и готовили удобрения на собственной фабрике. Зимой суда Кейзерлинга добывали китов много южнее и привозили в японский город Нагасаки. Там китовое мясо традиционно пользовалось спросом как пищевой продукт. В одном из старинных японских трактатов о разделке китов, изданном в 1832 году, отмечалось, что наиболее вкусным является пенис молодых китов³. Это мясо можно готовить на сковороде или отваривать, оно подавалось с соевым соусом, саке или соусом санбайсу. Двенадцатиперстная кишка, желтая снаружи и красная внутри, годилась для пищи только беднякам. В кулинарном справочнике по мясу китов 1832 года ничего не говорилось о синем ките, зато упоминалось, как можно использовать переднюю полосатую часть сельдяного полосатика и горбача. Старинная японская методика добычи китов с помощью сети и множества лодок давала возможность ловить крупных и сильных животных даже в то время, когда еще не знали ни паровых шхун, ни гарпунных пушек. Однако с появлением современного модернизированного китобойного промысла доступ к разным видам китового мяса стал стабильнее и проще.

Мирная торговля китовым мясом прекратилась в 1904 году, когда развязалась Русско-японская война. Война покончила с компанией Кейзерлинга. Суда и снаряжение японцы присвоили в качестве трофеев, а персонал некоторое время провел в японском лагере для военнопленных. Норвежец Хенрик Мельсом из Стокке в Вестфолле, гарпунер и шкипер Кейзерлинга на протяжении последних шести лет, лишь чудом избежал плена⁴. Как и другие капитаны, он получил фальшивую телеграмму с приказанием следовать в китайский Шанхай. Японские военные корабли ждали их в Корейском проливе. Мельсом распознал подвох. Под покровом ночи он попытался проскользнуть мимо японцев с погашенными огнями. Огромные зловещие силуэты военных кораблей просматривались в темноте, а маленькое китобойное судно не заметили. Мельсом и его команда благополучно добрались до Шанхая.

Судя по всему, Мельсом не обижался на японцев после этих событий, поскольку в последующие годы он и многие другие норвежские гарпунеры участвовали в японском китобойном промысле. Им хорошо платили. Японцы очень ценили «норвежский метод», как они называли промысел на маленьких паровых судах с гарпунной пушкой.

Юро Ока, директор крупнейшей японской китобойной компании, впоследствии рассказывал о начале деятельности в 1899 году: «Я возложил всю работу по созданию компании на друзей и родственников и отправился в Норвегию, чтобы самому изучить этот метод»⁵. Норвежцы, похоже, отнеслись к нему, приехавшему с другого края Евразии, более дружелюбно, чем несколькими годами ранее к Кейзерлингу из соседней России. Во время путешествия по Норвегии молодой японец осмотрел верфи и промысловые станции. Он также побывал в море на промысловом судне. В результате Ока решил, что, если японцы хотят добывать китов, нужно взять на вооружение норвежский метод. Обработку туш на суше, напротив, лучше продолжать

³ Hvalfangst etter norsk metode i Japan (см. выше), s. 19–25.

⁴ Johnsen A.O. 1940. Skipsreder H.G. Melsom. 70 år 4. desember 1940. I Norsk Hvalfangst-Tidende nr. 11-1940, s. 277–281.

⁵ Hvalfangst etter norsk metode i Japan (см. выше), s. 4.

по японской традиции, поскольку в Японии основным продуктом является китовое мясо, а не жир.

Многие японцы в последующие годы приезжали в Норвегию на обучение, для найма персонала и покупки судов и снаряжения. Некоторые промысловые суда фрахтовали вместе с экипажем непосредственно у норвежских судовладельцев. Обмен с Японией не только стал выгодным для многих норвежцев, но и весьма неоднозначным для страны в целом. Норвежская рыбацкая газета «Норск фискеритиденде» предупреждала в 1906 году, что, обучая «беспринципного и расчетливого конкурента»⁶, можно лишиться первенства в мировом китобойном промысле.

В 1910 году американский зоолог Рой Чэпмен Эндрюс побывал в Японии и своими глазами увидел, как здесь промышленно китов. Эндрю объехал весь мир и собирал экспонаты для Музея естественной истории в Нью-Йорке. Он ходил вместе с китобоями в море, как только выпадал такой шанс. В Японии Эндрю участвовал в промысле вместе с Хенриком Мельсомом и другими норвежскими капитанами. Так он убедился в том, что даже после сорока лет применения гарпунной пушки с разрывным снарядом убить кита моментально получается далеко не всегда.

Однажды утром Эндрю проснулся на борту китобоя «Реккусу Мару» от того, что двигатель то останавливался, то вновь начинал работу. Это был явный признак того, что корабль маневрирует, чтобы напасть на кита. Искусство заключалось в том, чтобы рассчитать, когда он вновь вынырнет на поверхность, чтобы вздохнуть.

Эндрю быстро оделся, схватил фотоаппарат и побежал наверх под холодный дождь. Гарпунер и капитан Фредрик Ульсен из Драммена уже ждал на носу судна в полной готовности. Японский рулевой рассказал, что они с шести утра преследуют синего кита. Американец мог собственными глазами видеть, как они постоянно прицеливались для выстрела. Как только кит всплывал к поверхности, чтобы подышать и отдохнуть, они мчались вперед с целью захватить его, пока он снова не уйдет в глубину. В девять часов кит показался достаточно близко, но все еще был недоступен. «Готовься, в следующий раз он будет ближе!» – кричал капитан Ульсен⁷.

«Внезапно раздался выстрел, и прямо в лицо нам вылетело белое облако пара; тут же прямо под носом показалось огромное, все в каплях, тело кита. За оглушительным выстрелом пушки щелкнул затвор фотоаппарата, затем наступил момент тишины, пока гигантское существо вздрогнуло, вытянулось и рвануло наверх. С помощью мощного удара хвоста кит развернулся и бросился прочь, то разрезая поверхность воды, то уходя вглубь. Крики моряков “банзай” заглушил шум лебедки, линь ударял по палубе с каждым ее поворотом. В дыму я разглядел, что машинист изо всех сил пытался остановить судно, и услышал, как он кричал, чтобы принесли воду, поскольку деревянные детали вспыхнули».

Когда прошло двадцать минут с тех пор, как кит находился под водой, линь начал наконец слабеть. Зверь вновь всплыл, на этот раз, на удивление, довольно далеко и теперь тащил шхуну за собой. Каждый раз, как только он ускорялся, машинист изо всех сил пытался тормозить, давая задний ход. Кит таскал судно примерно полчаса, затем нырнул на десять минут и вновь вынырнул так быстро, что половина туловища поднялась над водой. Потом он вновь бросился прочь, прерываясь на мелкие погружения. Капитан время от времени давал приказ то стравливать, то натягивать линь, чтобы успеть подобраться к животному, пока он не оборвался. К одиннадцати часам кит начал слабеть. В бинокль Эндрю видел, как покраснела вода вокруг спины кита – гарпун попал ему между лопаток.

Когда кита почти подтащили к судну, случилось непредвиденное. Линь резко натянулся, последовало несколько сильных рывков, и он лопнул. Ульсен тут же снова зарядил пушку.

⁶ Tønnessen 1967, side 196.

⁷ Эта и последующие цитаты: Andrews 1916, s. 129–139.

Команда в напряжении вскрикнула, когда гарпун проделал дугу над волнами и попал в спину кита. Разрывной заряд попал в тело и взорвался, но он вошел неглубоко, только вытолкнув гарпун. Кровь и клочья мяса плавали по воде. Кит остался жив. Всю вторую половину дня они преследовали раненое животное, пытаясь снова подобраться на доступное для выстрела расстояние. Только после пяти часов вечера, спустя почти двенадцати часов охоты, Фредрик Ульсен смог прикончить кита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.